

XIV год
№ 35

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 27 Августа 1883 г.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія ... 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другие
города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднимъ 3 р.

Каждый новый подпisch. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особья приложе-
ния при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ионг. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

1-го августа исполнилось шестьдесятъ лѣтъ служенія духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, протоиерея Василія Борисовича Бажанова. Имя юбилиара, высокое, занимаемое имъ положение, долговременная дѣятельность — извѣстны уже много лѣтъ всему русскому обществу.

Протоиерей В. Б. Бажанову несуждено было, однако, дожить до своего шестидесятилѣтняго юбилея. Наканунѣ этого запоминального дня, смерть похитила его. Въ воскресенье, 31-го июля, В. Б. Бажановъ скончался на восемьдесятъ третьемъ году отъ рождения.

В. Б. родился въ 1800 года. Отецъ его, сельский дьяконъ въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской епархіи, хотѣлъ устроить его на должность причетника къ своей церкви. Грозная влечателія страшныхъ событий 12-го года оставили неизгладимый следъ въ его памяти и воображеніи. Прерванное ходомъ этихъ событий ученіе его вошло опять въ прежній порядокъ. Дарованія юноши обратили на себя вни-

маніе наставниковъ семинаріи и они рекомендовали его для отправленія въ с.-петербургскую духовную академію. Въ 1819 г. Бажановъ поступилъ въ академію въ составѣ 5-го курса.

По окончаніи курса въ 1823 г., В. Б. опредѣленъ былъ баккалавромъ англійскаго языка, но вскорѣ затѣмъ ему поручено было преподаваніе нѣмецкаго языка. Служеніе его въ академіи было только подготовкою къ той духовно-просвѣтительной дѣятельности, которая началась съ принятіемъ имъ священнаго сана и которой потомъ посвящена была вся его жизнь.

Въ 1826 г. онъ рукоположенъ былъ въ священника, но въ слѣдующемъ же году приглашенъ законоучителемъ въ С.-Петербургскій университетъ на мѣсто Г. П. Павскаго, избраннаго въ законоучители наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича. При сложныхъ обязанностяхъ преподаванія закона Божія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ми-

Протоиерей В. Б. Бажановъ.

Протоиерей В. Б. Бажановъ. † 31 июля. Съ фот. Левицкаго, гр. Ю. Барата

совѣтъ испорченароднаго

нatura такая?!" задавала

Вопрошъ Татьяна Владимировна.

просвѣщенія В. Б. оставилъ преподавательскую должность въ духовной академіи.

При назначеніи нового законоучителя для наследника престола выборъ государя упалъ на В. Б. Бажанова. Въ первый разъ онъ имѣлъ счастіе сдѣлаться лично извѣстнымъ Государю при посѣщеніи его величествомъ въ февраль 1834 г. первой гимназіи, образованной изъ бывшаго благородного университетскаго пансіона. Государь слушалъ вѣкоторое время преподаваніе законоучителя. Чрезъ годъ послѣ того, въ январѣ 1835 г. государь снова посѣтилъ гимназію,—и опять былъ на урокѣ по закону Божію, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи Бажанова законоучителемъ августѣйшихъ дѣтей государя. Съ 1835 г., въ теченіе 25 лѣтъ, В. Б. исполнялъ обязанность преподаванія закона Божія въ царственной семье. Университетъ онъ оставилъ еще въ 1836 г., всецѣло посвятивъ свое время и свои силы высокому служенію, къ которому призванъ былъ довѣріемъ государя, и которое составляетъ, безъ сомнѣнія, важнѣйшее дѣло его жизни.

Между тѣмъ, среди этихъ важныхъ обязанностей и частію совмѣстно съ ними, въ первой половинѣ своей служебной дѣятельности, В. Б. составилъ и издалъ много сочиненій, за которые конференція С.-Петербургской духовной академіи, съ утвержденіемъ св. синода, удостоила его степени доктора богословія, а императорская академія избрала его въ свои почетные члены. Министерство народнаго просвѣщенія издало одно изъ его сочиненій, на свой счетъ, для народнаго чтенія и для чтенія въ гимназіяхъ и училищахъ.

Продолжая свое высокое довѣріе къ законоучителю своихъ августѣйшихъ дѣтей, государь императоръ Николай Павловичъ удостоилъ его еще болѣе высокаго довѣрія, избравъ его въ 1849 г., въ духовники для всей своей царственной семьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. Б. пожалованъ былъ званіемъ протопресвитера и членомъ св. синода и назначенъ былъ управляющимъ придворнымъ духовенствомъ. Такъ началась вторая половина его служебной жизни съ важными и многосторонними обязанностями, открывшими широкое примѣненіе для его неутомимой дѣятельности.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьевъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Стояли чудесные весенние дни. Садъ благоухалъ первыми цветами. Въ огромномъ паркѣ, одѣвшемся яркой листвою, усыпанномъ бѣлымъ цветомъ черемухи и еще не распустившимися, темными, но уже пахучими кистями сирени, немолчно перекликались птицы...

Огромный, съ дѣства знакомый во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, домъ казался такимъ веселымъ. Свиданіе съ отцомъ и съ матерью было самое трогательное.

Борисъ радостно въ нихъ всматривался и не находилъ перемѣны.

Отецъ былъ еще очень бодръ, не смотря на свои пятьдесятъ восемь лѣтъ, не смотря на совсѣмъ сѣдые волосы и мелкія морщины, избороздившія тонкую кожу его прекрасно очерченного лица. А у матери даже и сѣдины почти не показывалось. Правда, она была слишкомъ полна; но высокій ростъ и не покинувшая ее грація тѣлодвиженій скрадывали эту ея полноту. Она до сихъ поръ еще напоминала прежнюю знаменитую красавицу. Глаза ея были также ясны и чисты, какъ въ молодости; улыбаясь доброй улыбкой, которая освещала все ея лицо, она показывала рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, вполнѣ сохранившихся.

Борисъ даже находилъ, что она становится все лучше и лучше, все какъ-то яснѣе, чище и спокойнѣе.

И это ея спокойствіе передавалось почти всякому, кто къ ней приближался, а на Бориса оно дѣйствовало совсѣмъ особеннымъ образомъ, и теперь болѣе чѣмъ когда либо.

Онъ испытывалъ счастіе человѣка, который можетъ гордиться своей матерью. Онъ очень былъ привязанъ къ отцу, отъ которого его какъ доброго и честнаго человѣка, хранителя дома, и даже потому, что самъ во

стоя впродолженіи многихъ лѣтъ у ступеней престола, В. Б. былъ во все время своего служенія постояннымъ представителемъ предъ лицемъ Государя. Тысячи просьбъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи онъ возносилъ къ престолу, повергая на Высочайшее милостивое возвращеніе разнообразныя ходатайства несчастныхъ.

По званію члена св. синода, виродженія почти 35 лѣтъ, В. Б. непрерывно и дѣятельно участвовалъ въ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, восходившихъ на разрешеніе св. синода, и въ обсужденіи всѣхъ законоположеній, постановляемыхъ высшемъ духовною властію. Самымъ важнымъ и достопамятнымъ дѣломъ его по званію члена св. синода долженъ быть признанъ многолѣтній, заслуживающій названія подвига трудъ его въ переводѣ священнаго писанія на русскій языкъ, совершенный имъ совмѣстно съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ. Трудъ этотъ отличенъ былъ особымъ монаршимъ вниманіемъ, выразившимся въ Высочайшемъ реєстриѣ на имя В. Б., съ пожалованіемъ ему бриллантового креста. Московскій университетъ, по вниманію къ высокой важности этого труда, въ самый годъ окончанія его, избралъ В. Б. въ свои почетные члены. Еще прежде того, онъ избранъ былъ въ почетные члены императорской академіи наукъ и с.-петербургскаго университета.

Всегда готовый сдѣлать добро, оказать во время нужную помощь, онъ всегда шелъ, такъ сказать, па встрѣчу нуждѣ. „Нужно спѣшить дѣлать добро“—таково было его убѣжденіе и правіе, которому онъ никогда не измѣнялъ.

Исполнившееся 1-го августа 1873 года пятидесятилѣтіе его служенія вызвало всеобщее выраженіеуваженія къ его заслугамъ. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, милостиво привѣтствовавши своего духовника въ Царскомъ Селѣ послѣ богослуженія, пожаловалъ его въ день юбилея орденомъ св. Владимира 1-й степени. Въ текущемъ году, въ день высокаго торжества священной коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, В. Б. удостоился получить украшеніе бриллантами портреты Императоровъ, при которыхъ онъ состоялъ въ званіи духовника Ихъ Величествъ—Николая I, Александра II, и Царствующаго Государя.

многомъ походилъ на него. Но матерью своей онъ положительно гордился. Онъ боготворилъ ее. Онъ признавалъ ее чуть ли не соединеніемъ всѣхъ человѣческихъ совершенствъ.

Какъ то ему приснилось,—у него бывали иногда яркие, живые сны,—приснилось ему, будто онъ убѣдился, что его мать поступила дурно, что онъ въ ней ошибся, что она нехорошая женщина. Онъ проснулся весь облитый холоднымъ потомъ, дрожа въ лихорадкѣ, съ тоскою, которая разрывала его сердце. Онъ чуть не закричалъ отъ восторга, убѣдившись, что это былъ только сонъ.

Но ощущеніе ужаса и тоски, испытанное имъ, было до такой степени сильно, что онъ несколько дней не могъ отъ него отдѣляться и имъ томился.

Еслибы этотъ сонъ повторился на яву, онъ бы павѣрное сонечъ съ ума.

Въ первые дни по своемъ пріѣздѣ онъ почти не отходилъ отъ матери, слѣдя за ея неутомимой, разнообразной дѣятельностью. Она продолжала, какъ и всегда, сама всѣмъ руководить въ огромномъ хозяйствѣ. Она была поистинѣ благодѣтельницей тысячъ крестьянскихъ душъ, которыхъ принадлежали ей и ея мужу. Она была истинной царицей своего маленькаго государства, но царицей доступной всѣмъ и каждому, не возбуждавшей къ себѣ никакого страха. Къ ней безбоязненно шли всѣ со своими нуждами, болѣзнями и горемъ, давно и твердо зная, что барыня Татьяна Владимировна во все войдетъ, каждому поможетъ.

О баринѣ также никто не обмолвился дурнымъ словомъ, всѣ говорили:

„Вѣстимо—добрый, хороший баринъ, муhi не обидѣть!.. что про то говорить,—важный баринъ, какъ есть!“...

Но все же, встречаясь съ Сергеемъ Борисовичемъ, его какъ-то робѣли, переминались, умолкали. Ему нельзя было признаваться въ бѣдѣ, нуждѣ и болѣзни, стыдно было его беспокоить, совѣтно было обращать его барское вниманіе на свою бѣдноту мужицкую...

Вотъ онъ и улыбается, и ласково киваетъ головой, и говоритъ такимъ добрымъ голосомъ... Но онъ все же такой далекій, такъ высоко стоитъ—одно слово: „онъ баринъ, господинъ нашъ прирожденный, а мы — его рабы!“

И не звали эти рабы, что ихъ господинъ прирожденный въ свои молодые годы горячо толковалъ о томъ, что рабство позорно, что рабовъ освободить надо, что они—такіе же люди... Не знали они этого, но каждый инстинктивно чувствовалъ, что добрый господинъ ихъ не понимаетъ и понять не можетъ.

И это была правда. Онъ ихъ непонималъ, они были для него чужими. Онъ, всю жизнь окруженный ими, искренно желалъ имъ добра, никогда не позволилъ себѣ съ ними никакой жестокости, и теперь, какъ въ прежніе годы, готовъ былъ признать несправедливость рабства. Но войти въ ихъ жизнь не умѣлъ, а сердцемъ —этого было не дано ему, не такъ его воспиталъ ученьй французъ-энциклопедистъ...

Сергей Борисовичъ и пробовалъ прежде сблизиться со своими рабами, даже много мечталъ о такомъ сближеніи, даже строилъ разные планы. Но все это какъ-то забылось понемногу и уже давно не вспоминалось. Изъ году въ годъ онъ жилъ однообразной жизнью, жилъ почти въ уединеніи, наполнивъ свой внутренній міръ женою, дѣтьми, да чтеніемъ, которое уносило его далеко и wysoko. Жилъ онъ также иногда воспоминаніями своей разнообразно проведенной юности, о которой въ тихіе вечера составлялъ не лишенныя интереса записки.

Люди, когда-то знавшіе его блестящимъ царедворцемъ, царедворцемъ не по инстинктамъ, а по положенію, теперь его едва узнавали. Онъ совсѣмъ отсталъ отъ свѣта и когда появлялся изрѣдка въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, то поражалъ своими странностями, своей старомодностью.

Бодрый и здоровый, вслѣдствіе правильной деревенской жизни и душевнаго спокойствія, онъ былъ через-чуръ старъ въ своихъ манерахъ. Отъ него такъ и дышало восемнадцатымъ вѣкомъ. Даже и одѣвался онъ по модѣ послѣднихъ лѣтъ Екатерининского царствованія. Онъ даже упорно продолжалъ носить красные каблуки, такъ что надъ нимъ подсмѣивались. Подсмѣивались—но добродушно. Онъ на всѣхъ производилъ хорошее впечатленіе.

Владимиръ и Катринъ не разъ пытались заставить его сшить себѣ платье по модѣ и снять красные каблуки. Но онъ, вовсе не отличавшійся упрямствомъ и легко поддававшійся настояніямъ близкихъ ему людей, въ этомъ вопросѣ выказывалъ неподѣлимое упорство.

— Я знаю, что я человѣкъ не вашего вѣка, говорилъ онъ.—Я случайно пережилъ прошлое столѣтіе, но я не могу измѣнить ему...

Онъ не любилъ теперешнюю жизнь и все новое было ему не по вкусу. Ему казалось, что человѣчество конечно движется, но не впередъ, а куда-то въ сторону, и ничего путнаго изъ такого движения не можетъ выйти.

Насмотрѣвшись на новыхъ людей, наслушавшись всякихъ толковъ и споровъ,—онъ скоро начиналъ чувствовать, что съ него довольно, что этотъ чуждый ему вѣкъ, въ которомъ онъ случайно очутился, черезчуръ уже утомилъ его. И онъ спѣшилъ скорѣе, до предположенного срока, въ Горбатовское.

Очутившись въ своемъ большомъ, спокойномъ и свѣтломъ кабинетѣ, гдѣ со стѣнъ глядѣли на него прекрасныя изображенія Екатерины, Павла, Людовика XVI, Марии Антуанеты и многихъ знаменитѣй минувшаго

времени,—онъ чувствовалъ себя успокоеннымъ, возвращеннымъ въ тихое пристанище. Онъ погружался въ любимый міръ, онъ заводилъ бесѣду со старыми друзьями-философами, которые привѣтливо шептали ему изъ подъ красивыхъ старинныхъ переплетовъ, съ полокъ его обширной библіотеки.

— Чудакъ отецъ! съ снисходительной улыбкой говорили о немъ Владимиръ и Катринъ.

Но Татьяна Владимировна и Борисъ не называли его чудакомъ и не улыбались снисходительно, когда о немъ говорили. Они любили его именно такимъ, какимъ онъ былъ, и понимали его, и имъ было бы очень странно и даже непріятно, еслибы онъ вдругъ появился передъ ними въ новомодномъ платьѣ, безъ красныхъ каблуковъ, и горячо сталъ бы спорить о современныхъ вопросахъ, интересоваться злобою дня...

Послѣ первой радости и привѣтствій, вдоволь настроившись на любимаго сына, Сергей Борисовичъ разспросилъ его подробно о западной Европѣ и, выслушавъ его разсказъ, замѣтилъ:

— Ну да, такъ и есть!—все въ сторону, въ сторону... одни безплодныя метанія... и истиннаго прогресса нѣть! Ахъ, въ наше время было лучше...

— Батюшка, да вѣдь то было ужасное время—революція?!

— Да! горячо перебилъ Сергей Борисовичъ,—ужасное время... революція... Я все это испыталъ, былъ среди всего этого. Ужасное время! Но дѣло въ томъ, что жизнь-то была тогда настоящая, а теперь—жизни нѣть! Что же, мой другъ, подожди—и опять будетъ революція... да ужъ не такая... Мелко какъ-то все стало... измельчали люди, нѣть прежней силы и прежнихъ умовъ, нѣть талантовъ...

Борисъ зналъ, что спорить и доказывать противное—безполезно. Ему не хотѣлось огорчать отца, раздражать его. Онъ былъ такъ счастливъ, такъ радъ родному воздуху, его окружавшему—чего же тутъ было спорить!..

Одно только, что омрачало его радость въ родномъ гнѣздѣ—это отсутствіе стараго друга—карлика, безъ котораго даже трудно было представить себѣ этотъ домъ.

А между тѣмъ его не было. Въ первый же день Борисъ сходилъ къ нему на могилу и горячо помолился, а потомъ, вернувшись въ домъ, вошелъ въ его комнатку.

Комната „Моисея Степаныча“, съ самаго дня его смерти, оставалась въ такомъ же видѣ, какъ и при немъ. Дверь стояла на запорѣ; но каждое утро комнату убирали и нерѣдко въ нее заглядывали то Сергей Борисовичъ, то Татьяна Владимировна.

Борисъ вошелъ и долго стоялъ понуривъ голову. Вотъ маленькая кроватка карлика, на которой онъ и умеръ, какъ разсказывалъ Степанъ, умеръ, сожалѣя, что нѣть возлѣ него Бориса, и посылая ему свое благословеніе. Вотъ маленький дѣтскій диванчикъ, кресельца, столикъ, образа въ углу съ неугасимой лампадой, по стѣнамъ старыя, во многихъ мѣстахъ прорваныя, всѣ засиженные мухами лубочныя картинки, изображающія мученія грѣшниковъ въ адѣ,—любимыя картинки карлика, съ которыми онъ не разставался всю жизнь...

На маленькой этажеркѣ разставлены книги, старое французское евангѣліе, которое когда-то въ Парижѣ тщательно изучалъ и переводилъ карликъ, увѣренный, что вотъ-вотъ нападетъ онъ на искаженія и уличить „этихъ нехристей“ въ ереси. Тутъ же и тетрадки Моисея Степаныча, исписанныя его твердымъ, стариннымъ почеркомъ, съ удивительными хвостиками, вывертами и завитками буквъ...

Что въ этихъ тетрадкахъ?

Борисъ раскрылъ одну:

„Нынѣ, февраля въ пятый день, Борисъ пошелъ. Прощель черезъ всю комнату отъ Татьяны Владимировны до меня, ни за что не держась, и только подойдя уже

ко мнѣ, споткнулся. Дитѣ, по милости Божьей, крѣпкое и здоровое, съ лица будеъ похожъ на Сергея Борисыча, но есть что-то и отъ Татьяны Владимировны. Дай ему Господь возрости на утѣшеніе родительское..."

Борисъ читалъ дальше. Карликъ записалъ рожденіе Владимира, подробно его крестину. Отмѣталъ всѣ событія домашней жизни. А то вдругъ переносился въ прошедшее и записывалъ случаи и анекдоты стародавней жизни. Потомъ прерывалъ ихъ и опять возвращался къ домашнимъ событіямъ. И опять Борисъ видѣлъ свое имя на каждой страницѣ, и убѣждался, съ какой любовью, съ какой заботливостью слѣдила за нимъ, за своимъ любимцемъ, старый карликъ.

Борисъ жадно читалъ и, самъ не замѣчая того, крошилъ толстые, синие листки тетради невольными, то и дѣло капавшими слезами.

Вдругъ дверь скрипнула, Борисъ оглянулся. Ему показалось, что вотъ сейчасъ войдетъ въ свое бархатное кафтанчикѣ, въ напудренномъ паричкѣ карликъ. Ему казалось это такъ естественно. Онъ бы не изумился, не испугался, а какъ бы обрадовался...

Но вошелъ не карликъ. Влѣтѣла, какъ птичка, легкая и грациозная, сияющая свѣжестю и парижскимъ туалетомъ Катринъ.

— Машап тебя ищетъ, а ты вотъ гдѣ, я такъ и знала!.. Фу! да никакъ онъ плачетъ! зашебетала она.— Покажись, покажись, не отвертайся... Ну да, такъ и есть... Mon cher, mais c'est m me ridicule!.. Ты какъ есть институтка-смолянка!..

Бориса будто облили холодной водой. Его грусть, мѣшавшаяся съ тихой отрадой, которой онъ отдавался въ этой милой комнатѣ, за чтеніемъ этой старой синей тетради, была сразу какъ-то опрошена, опозорена. Появленіе здѣсь этой хорошенѣйкой женщины показалось ему святотатствомъ. Онъ съ невольнымъ презрѣніемъ взглянулъ на нее, осторожно положилъ тетради на место и, не говоря ни слова, пропустивъ Катринъ впередъ, вышелъ, тщательно заперевъ дверь на ключь.

III.

Мать.

Есть очень даже хорошія, разумныя и сираведливыя женщины, и въ особенности любящія матери, которыхъ, тѣмъ не менѣе, никакъ не могутъ безпристрастно отнестись къ женѣ сына. Когда приходитъ время—онъ сами помышляютъ о сыновнѣй женитьбѣ, сами прискиваютъ ему невѣstu, убѣждаютъ его остановить свой выборъ на такой то дѣвушкѣ, радостно празднуютъ свадьбу, искренно и сердечно принимаютъ участіе въ устройствѣ молодой семьи. Но проходитъ первая горячка—и конечно! является тревога, сомнѣніе...

„Да достойна ли она его? будеъ ли онъ съ нею счастливъ? такая ли жена ему нужна?!.“

Если сынъ выкажетъ хоть какъ нибудь случайно, хоть тѣль неудовольствія—

„Ну да, я такъ и знала!—онъ несчастливъ“.

Если же онъ совсѣмъ доволенъ женою, живеть съ нею дружно и счастливо, тогда дѣло усложняется еще больше. Нѣтъ причинъ выказывать свое неудовольствіе, нельзѧ въ чемъ обвинить! Въ ходъ могутъ быть пущены однѣ только фразы въ такомъ родѣ:

„Онъ ослѣпленъ, онъ слишкомъ подчинился ея вліянію!“

Но эти фразы недостаточны. А между тѣмъ недовольство не проходить, оно упорно продолжаетъ копошиться въ сердцѣ, не сдается ни передъ какими средствами.

Причина такого недовольства — материнская любовь, материнская ревность. И невозможность бороться съ этимъ чувствомъ лежитъ въ женской природѣ.

Отецъ напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, склоненъ любить жену сына, и когда у нея родится ребенокъ, продолжаетъ въ рода,—эта любовь еще усиливается.

Бабушка тоже радуется рожденію внука, очень часто начинаетъ боготворить его, переносить на него всю свою нѣжность, даже въ ущербъ любви къ сыну; но никогда ей и въ голову не придетъ, что она обязана этимъ дорогимъ маленькимъ существомъ невѣсткѣ, ей даже кажется, что невѣстка преувеличиваетъ свои права на него, что эти права почти незаконны, что права бабушки гораздо важнѣе правъ матери.

Такъ бываетъ очень часто, такъ случилось и съ Сергеемъ Борисовичемъ, который горячо полюбилъ Катринъ, полюбилъ тѣмъ горячѣе, что у самого никогда не было дочери.

Но Татьяна Владимировна относилась къ женѣ сына вовсе не такъ, какъ многія матери. Не она ему выбрала Катринъ—она ее почти совсѣмъ не знала до того времени. Она находила даже, что Владимиру еще рано жениться. Она такъ и сказала:

„Не рано ли?! подождалъ бы еще, попригладѣлся бы къ ней хорошенѣко—она слишкомъ молода, почти ребенокъ...“

Но она отвѣтила, стараясь придать словамъ своимъ по возможности ласковый тонъ:

„Нѣть, шашап, право мнѣ нечего ждать и разглядывать—я все очень хорошо обдумала и, надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ моего выбора!“

„Что же я могу имѣть кромѣ того, о чёмъ я уже сказала?! Если ты увѣренъ, что она составитъ твоѣ счастье, если ты, какъ говоришь, все обдумалъ... что же! я очень рада, мой другъ, и надѣюсь полюбить ее какъ дочь родную...“

Татьяна Владимировна никогда не говорила на обумъ, не обѣщала того, чего не надѣялась исполнить. Она приняла Катринъ искренно и радушно, и такъ какъ та въ первое время была очень мила, то полюбила ее отъ души. Она даже не смущалась ея легкомысліемъ, приписывая его ея молодости.

Рожденіе первого внука она привѣтствовала всѣмъ сердцемъ, почувствовала, что этотъ ребенокъ съ первого дня своего появленія на свѣтъ ей очень дорогъ, дорогъ какъ были дороги въ былые годы Борисъ и Владимиръ, когда она съ сердечнымъ замѣраниемъ прислушивалась къ ихъ первому младенческому лепету.

Но она не заявила никакихъ своихъ исключительныхъ правъ на этого дорогого ей ребенка, не позволяла себѣ никогда вмѣшиваться въ распоряженія Катринъ относительно него. Затѣмъ онъ разлучались на пѣсколько мѣсяцевъ.

Татьяна Владимировна писала Катринъ добрая, искреннія письма, на которыхъ та отвѣчала ей довольно аккуратно выложенными французскими посланіями, гдѣ было много милыхъ, хорошенѣйшихъ фразъ, гдѣ передавались петербургскія сплетни.

Эти письма неизмѣнно начинались съ „ch re шашап“ и оканчивались „votre fille d voqu e“. Они были похожи одно на другое какъ двѣ капли воды.

Но уже прошлымъ лѣтомъ, во время своего пребыванія въ Горбатовскомъ, Катринъ, какъ только могла, повредила себѣ въ глазахъ Татьяны Владимировны. Теперь Катринъ чувствовала себя уже окончательно дома; она не намѣрена была больше стѣсняться и слѣдить за собою. Она обращала очень мало вниманія на старииковъ, удивившись, что старики просты, что за ними не стоитъ ухаживать, потому что и безъ ухаживаній они ни въ чёмъ стѣсняться не въ состояніи.

Катринъ не разъ высказывалась въ присутствіи Татьяны Владимировны и ужасала ее своими взглядами, своимъ отношениемъ къ жизни, легкомысліемъ, мелочностью и безсердечіемъ.

Татьяна Владимировна должна была убѣдиться, что ошиблась въ этомъ прелестномъ ребенкѣ, въ этой „птичкѣ“, что „птичка“ совсѣмъ испорчена. „Испорченная ли ужъ у нея натура такая?!” задавала себѣ тревожный вопросъ Татьяна Владимировна.

Она стала наблюдать внимательно, неотступно—и каждый день утверждалъ ее въ томъ печальномъ решеніи, что испорченность, происходящая отъ дурного воспитанія—сама собой, да и „нatura такая“.

Разъ полюбивъ Катринъ, признавъ ее своей дочерью, членомъ своей семьи, Татьяна Владимировна съ трудомъ освобождалась отъ этого чувства; но все же освобождалась. Теперь присутствіе этой хорошенькой женщины становилось для нея иногда тягостнымъ, она возмущала всѣ ея природные инстинкты.

„Это несчастье! рѣшила она.—Владимиръ сдѣлалъ дурной выборъ... но понимаетъ ли онъ это? страдаетъ ли онъ отъ этого?..“

И ей пришлось себѣ отвѣтить, что если и понимаетъ, то врядъ ли страдаетъ сильно. Онъ будто многаго не замѣчаетъ или нарочно не обращаетъ вниманія. Онъ веселъ, доволенъ, въ лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ когда либо. Ему какъ будто нѣтъ даже дѣла до жены...

Материнское сердце начинало мучительно сжиматься. Но вѣдь она была мать, она считала своего сына лучше, чѣмъ онъ былъ, всегда заставляла замолкать свой разсудокъ, когда этотъ ясный, здравый разсудокъ принуждалъ ее критически, беспристрастно относиться къ сыну. И разсудокъ замолкалъ, и она чутко прислушивалась къ своему сердцу, которое шептало: „мой сынъ, мой Володя!“

Задумывалась она конечно и относительно маленькаго, дорогого существа, которое съ каждымъ днемъ становилось все милѣе и тянулось къ ней своими пухленькими рученками, и пронзительно повторяло беззубымъ ротикомъ: „Ба!“

„Что то съ нимъ будетъ при такой матери, какое воспитаніе она можетъ дать ему?..“

Но пока еще рано было думать о воспитаніи, а „питаніе“ ребенка производилось правильнымъ образомъ.

Конечно, Катринъ отказалась сама кормить его, да никто ей этого и не предлагалъ въ виду ея молодости. У ребенка была добрая, здоровая кормилица и цѣлый штатъ нянечекъ. И Татьяна Владимировна на этотъ счетъ успокаивалась.

„А потомъ... да быть можетъ она сама мнѣ отдастъ его, откажется... вѣдь она уже и теперь говоритъ, что не любитъ дѣтей, не можетъ выносить ихъ крика. Онъ и теперь ее раздражаетъ... и это мать!..“

Татьяна Владимировна отказывалась понимать птичку. Но ей стало крайне тяжело и даже инстинктивно противно видѣть семейную жизнь сына, и поэтому она всю зиму не прѣѣзжала въ Петербургъ. А къ веснѣ въ деревнѣ оказалось много дѣла, рѣшено было, что въ Горбатовское всѣ собираются рано...

И вотъ, они здѣсь.

Первое время Татьянѣ Владимировнѣ и никогда было отдаваться мрачнымъ мыслямъ. Сердце ея было полно: Борисъ вернулся, прежній, неизмѣнныи, любимый Борисъ, такой же нѣжныи, такой же все понимающій, отгадывающій каждую ея мысль, ловящій на лету эту мысль...

И онъ поймалъ ея взглядъ, тревожный и печальный, устремленный на Катринъ—и все понялъ. Онъ даже заговорилъ съ нею обѣ этомъ.

— Маман, сказалъ онъ,—мы, кажется, обманулись въ Катринѣ?

— Да! съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила она. Утѣшительно одно, что Владимиръ, повидимому, доволенъ ею.

— Такъ развѣ это утѣшительно?

— Онъ не страдаетъ—вотъ въ чёмъ утѣшеніе.

— Да, конечно...

— Но если я чѣмъ нибудь себя утѣшаю, то единственно такою мыслью: мы слишкомъ многаго отъ нея ждали, слишкомъ многаго желали, а потому теперь, можетъ быть, перезчуръ ужъ къ ней строги. Она еще лучше иной, гдѣ ужъ я знаю, видѣла, каковы теперешненія Екатерин...

нія молодыя женщины!.. да и не теперешнія, и въ мое время много такихъ было... Катринъ легкомысленна, пуста, мнѣ кажется,—прости меня Богъ, если я ошибаюсь,—что у нея не много сердца... Но я надѣюсь, я увѣрена, что все же она не способна осрамить мужа, не можетъ опозорить честь нашего имени... А ты вѣдь знаешь, что происходитъ въ обществѣ, въ самыхъ лучшихъ семьяхъ?..“

И она пристально, пристально взглянула въ глаза Бориса. Передъ нимъ она не скрывалась, для него въ ней не было ничего тайного.

Борисъ опустилъ глаза подъ ея взглядомъ. Она такъ и застыла.

„Боже мой, неужели онъ что нибудь замѣтилъ въ этомъ родѣ... тамъ, въ Петербургѣ?..“

Она хотѣла говорить и не могла, у нея вдругъ пересохло во рту, языкъ не слушался.

Наконецъ она прошептала:

— Борисъ, ты ничего не отвѣчаешь, говори, не томи, не пугай меня!.. неужели ты что нибудь замѣтилъ? Ты не смѣешь скрывать отъ меня, я должна знать все, все... вѣдь ты знаешь, что я должна знать!.. Я не слаба и неизвѣстность хуже всего... тогда противъ воли приходятъ такія скверныя мысли. Я для этого съ тобой и заговорила, чтобы ты или успокоилъ меня, чтобы я могла замолить свой грѣхъ передъ Катринъ, или чтобы я знала, что не согрѣшила. Ты не смѣешь скрываться, я тебѣ запрещаю это... слышишь, запрещаю!..

— Маман, успокойтесь ради Бога! блѣднѣя проговорилъ Борисъ и крѣпко сжалъ ея руки.—Такъ тревожиться еще рано и Богъ дастъ не придется. Но есть вещи, которая мнѣ не нравятся, очень не нравятся. Она такъ страшно легкомысленна, она вѣдь даже многаго совсѣмъ не понимаетъ, что дѣлаетъ. Я не имѣю права ни въ чёмъ обвинять ее, я только знаю, что въ домѣ слишкомъ часто бываетъ человѣкъ, которому не слѣдовало бы бывать, и который, во всякомъ случаѣ, имѣетъ на нее дурное вліяніе... Я уже не разъ слышалъ отъ нея такія разсужденія, которая прямо повторяются съ его словъ.

— Кто это?—Кто?

— Графъ Щапскій...

Татьяна Владимировна поблѣднѣла.

— Щапскій! повторила она.—Постой, я его видѣла... Да, ты правъ, онъ можетъ имѣть дурное вліяніе... говорятъ—онъ іезуитъ?

— Да, іезуитъ! и какъ увѣряютъ, не знаю на сколько справедливо это, будто онъ уже обратилъ въ католицизмъ нѣсколько женщинъ изъ коренныхъ русскихъ семей. Онъ хитрый, ловкий человѣкъ, всюду втирается, вездѣ бываетъ, какъ видно имѣть большія связи, большия средства, но никто не знаетъ откуда все это. Вообще вѣдь немъ что то загадочное и нехорошее... но слѣдить за нимъ трудно, да я и не умѣю слѣдить... Братъ съ нимъ въ большой дружбѣ...

— Давно ли?

— Не знаю.

— Я что то не слыхала. Что же тутъ дѣлать, Борисъ?

— Не знаю! что же можно дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ?! какое же вліяніе можно имѣть на Катринъ?! Она не поддается ни моему, ни вашему вліянію. И мнѣ даже кажется, если она что нибудь замѣтить, то выйдетъ еще хуже. Она такая... нарочно можетъ что нибудь сдѣлать изъ одной досады и злости...

Татьяна Владимировна сидѣла грустно задумавшись. Борисъ продолжалъ:

— Одно развѣ: попробуйте поговорить съ Владиміромъ; если на чьи слова онъ можетъ еще обратить вниманіе—такъ только на ваши...

Татьяна Владимировна не стала откладывать и въ тотъ же день, встрѣтивъ въ цвѣтнике Владимира, взяла его подъ руку.

— Посмотри — какъ хорошо! сказала она, — какой вечеръ, погуляемъ немног...

— Съ удовольствиемъ, милая маман, вы только обопритеся на мою руку хорошенько, хорошенько, чтобы я чувствовалъ, а то вы совсѣмъ не умѣете ходить подъ рукой.

— Я умѣю ходить съ твоимъ отцемъ, съ другими никогда не ходила, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко... и давно... давно...

— Вотъ такъ, маман, теперь хорошо, пойдемте въ ногу...

Они пошли по длинной, душистой аллѣ. Владимиръ съ удовольствиемъ вдыхалъ въ себя воздухъ.

— А хорошо здѣсь! сказалъ онъ, — я теперь вижу, что все же утомился въ городѣ. Но какъ это ни скучно, а скоро надо будетъ опять въ него вернуться.

— То есть какъ скоро?

— Да черезъ мѣсяцъ; мнѣ только на мѣсяцъ дана свобода... служба, маман, служба! Ну да что говорить объ этомъ — не хочу и думать... теперь мнѣ хорошо и я такъ радъ, что въ Горбатовскомъ, такъ радъ, что въ вижу...

Онъ говорилъ это искренно, въ немъ иногда, хотя очень рѣдко, просыпалось что-то, хотя съ большими трудомъ, но все же неизгладимо навѣянное съ дѣтства этимъ паркомъ, этимъ домомъ, этой шедшей съ нимъ теперь подъ руку женщиной.

Онъ взглянулъ на ея доброе, свѣжее и прекрасное лицо и, наклонившись, поцѣловалъ маленькую, блѣдную, совсѣмъ еще почти молодую руку, лежавшую на рукавѣ его.

Мать прижалась къ нему плечомъ и улыбнулась ему непередаваемой материнской улыбкой.

Но улыбка сейчасъ же и померкла, тѣнь грусти скользнула по этому спокойному лицу, такъ медленно увидавшему.

Она завела разговоръ стороною, стала распрашивать о Петербургѣ, о своихъ знакомыхъ и вдругъ спросила:

— Скажи пожалуйста, Владимиръ, продолжаетъ бывать у тебя графъ Щапскій?

— Да, какъ же, и очень часто, мы съ нимъ больше пріятели.

— Жаль, но я откровенно скажу тебѣ, что онъ мнѣ очень непонравился...

— Нарасно, маман, я даже не понимаю почему, онъ такой интересный, всѣ дамы отъ него безъ ума.

— Можетъ быть! Но я подмѣтила въ немъ что то фальшивое. И ты знаешь, мой другъ, я не люблю осуждать, я боюсь этого, но иногда вѣрю своимъ впечатлѣніямъ, они меня не обманываютъ.

Владимиръ пожалъ плечами.

— Я, маман, поставилъ себѣ за правило никогда въ жизни не довѣряться впечатлѣніямъ и предчувствіямъ. Если бы я сталъ имъ довѣряться — это бы просто отравило мнѣ жизнь и заставило бы меня сдѣлать много глупостей.

— А Катринъ какъ къ нему относится?

— Катринъ, не знаю, спросите ее. Впрочемъ, кажется, она слѣдуетъ общей модѣ, — то есть, восхищается Щапскимъ.

— Еслибы въ прежнее время твой отецъ замѣтилъ, что я кѣмъ нибудь восхищаюсь, это было бы ему очень непріятно.

— А мнѣ все равно, маман, — значитъ я на отца не похожъ...

Она подавила въ себѣ вздохъ.

— Но если этотъ человѣкъ можетъ имѣть дурное вліяніе на Катринъ? Если его частыя посѣщенія заставятъ говорить, дадутъ пищу для сплетенъ, — а ты знаешь какъ у васъ тамъ ухватываются за всякую сломенку, чтобы испортить репутацію близняго, — неужели и это тебѣ не будетъ непріятно?

— Ахъ, маман, нужно смотрѣть на вещи спокойнѣе — сплетенъ не избѣжишь! Я надѣюсь, Катринъ

умѣеть держать себя. Щапскій бываетъ у нея не чаше, можетъ быть, чѣмъ у другихъ. А стѣснять ее, самому наводить ее на разныя мысли, заставлять ее думать, что я ревную — нѣтъ, я на это не способенъ! Я считаю, что это было бы глупо и мучительно... Съ какой стати я буду отравлять свое спокойствіе, имѣть непріятныя объясненія съ женою...

— Отчего же непріятныя?! Она такъ молода, неопытна...

— Ну нѣтъ, маман, я долженъ взять ее подъ свою защиту... Не смотря на молодость, она можетъ быть еще поопытнѣе насъ съ вами... по крайней мѣрѣ во многихъ отношеніяхъ... А главное, нужно умѣть сдѣлать семейную жизнь сносною и достигнуть этого всегда возможно — я и достигаю...

Онъ вдругъ круто повернулся разговоръ на совсѣмъ посторонній предметъ.

Татьяна Владимировна не настаивала, она сказала все, что могла, больше говорить она не считала себя въ правѣ.

Она сдѣлалась молчаливой и попросила вернуться домой.

— Я что то устала сегодня! сказала она.

IV.

На террасѣ.

Сергѣй Борисовичъ съ сыновьями уже третій день какъ находился на охотѣ въ одной изъ своихъ дачъ. Никого изъ постороннихъ, изъ гостей не было. Нѣкоторые сосѣди, пріѣзжавшіе чтобы повидать молодыхъ Горбатовыхъ, и въ особенности Бориса, котораго любили всѣ бывавшіе въ домѣ, уже разѣхались.

Теперь въ Горбатовское ожидался большой сѣздъ къ пятому юля, то есть ко дню именинъ Сергея Борисовича.

Этотъ день всегдаправлялся въ Горбатовскомъ съ особенной торжественностью и весельемъ. Гости сѣзжались за сотни верстъ, устраивались всевозможныя пиршества, народная гулянья и такъ далѣе.

Срокъ отпуска Владимира истекалъ черезъ недѣлю и хотя, конечно, ему не представлялось никакихъ затрудненій получить какую угодно отсрочку, но онъ, не смотря на убѣженія отца и матери, и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Его очевидно тянуло къ себѣ Петербургъ. Онъ и такъ уже начиналъ тревожиться, что вотъ, того и гляди, въ это кратковременное свое отсутствіе, онъ чтонибудь упуститъ по службѣ, о немъ забудутъ, кто нибудь изъ враговъ (онъ говорилъ, что у него ихъ много) „удружитъ“.

— Les absents ont toujours tort! — повторялъ онъ.

У него были очевидно какіе то широкіе планы относительно своей дальнѣйшей карьеры. Но онъ никому не повѣрялъ ихъ.

Въ виду скораго своего отѣзда, онъ уговорилъ отца и брата отправиться на охоту. Впрочемъ ихъ и не надо было особенно уговаривать. Оба они, также какъ и онъ, были страстными охотниками.

Дни стояли превосходные, ясные, первые дни начавшагося лѣта, когда еще нѣтъ томительныхъ жаровъ, нѣтъ душныхъ ночей, когда солнце долго, долго стоитъ въ небѣ, будто совсѣмъ не хочетъ уйти и весело и нѣжно улыбается своимъ всюду проникающими лучами, и вызываетъ къ жизни каждую былинку, выбираетъ изъ согрѣтой земли всѣ ея силы.

Въ послѣобѣденное время, когда уже на широкой террасѣ, выходившей въ пестрѣющей всѣми оттенками и благоухающей цвѣтникѣ, легли тѣни, Татьяна Владимировна и Катринъ уютно помѣстились передъ маленькимъ столикомъ среди разнообразной и яркой зелени тропическихъ растеній, со вкусомъ разставленныхъ по всей террасѣ.

Обѣ онѣ принялись за вышиваніе

я отъ вре-

Выставка въ Имп. Академіи Художествъ. Первый дебютъ.
Съ картины М. Е. Малышева, грав. Ю. Барановскій.

мени выглядывали въ цвѣтникъ, гдѣ между клумбами мелькалъ маленький Сережа, гулявшій въ сопровожденіи двухъ нянюшекъ. Теперь онъ уже научился ходить, хотя все еще былъ нѣсколько слабъ на ногахъ и очень часто падалъ. Но онъ былъ еще такъ малъ, что не могъ сдѣлать себѣ вреда этими паденіями,—они только каждый разъ почему то его изумляли. Хлопнувшись на песокъ и разставивъ рученки, онъ вдругъ строилъ самую смѣшную минку, потомъ сморщивъ лицо, собирался очевидно заплакать, но вмѣсто этого неожиданно разражался смѣхомъ, во время которого пронзительно визжалъ и захлебывался...

Кругомъ было такъ хорошо, такъ торжественно спокойно. И эти двѣ женскія фигуры на террасѣ такъ гармонировали съ роскошной обстановкой—величественная, ясная красота свѣжей бодрой старухи и кокетливое, капризное изящество молодой женщины...

Татьяна Владиміровна, до сихъ поръ очень живо воспринимавшая всякую красоту и въ особенности красоту природы, находилась подъ обаяніемъ этого теплого, но не душного, ласкающаго вечера.

Она позабыла все, что ее тревожило и смущало. Лицо ея было кротко и спокойно. Она чуткимъ ухомъ прислушивалась къ смѣху Сережи, раздававшемуся такъ явственно, такъ звонко въ чистотѣ вечерняго воздуха. Она по временамъ взглядывала на Катринъ съ доброй улыбкой. Она все же никакъ до сихъ поръ не умѣла совсѣмъ разлюбить ее. Взглядывала и невольно думала:

„Какая она, право, хорошенъкая!“

И Катринъ повидимому была весела и довольна. Глаза ея блестѣли, на щекахъ горѣль румянецъ.

Въ этотъ день привезли изъ города ей много писемъ и она была довольна полученной корреспонденціей; въ особенности одно письмо она нѣсколько разъ перечитала и, тихонъко оглянувшись — не смотрѣть ли на нее кто нибудь, спрятала это письмо за корсажъ своего платья.

И тѣмъ болѣе бросалось въ глаза ея оживленіе и довольство, что въ послѣднее время она все была не въ духѣ, скучала, не находила себѣ мѣста и даже не далѣе какъ наканунѣ еще сказала мужу:

— Владиміръ, я поѣду съ тобой... Я не могу здѣсь оставаться—такая скуча!

Онъ съ изумленіемъ пожалъ плечами.

— Ты знаешь, что я неволить тебя не стану, отвѣчалъ онъ,—но если уѣдешь въ Петербургъ, то сдѣлаешь большую глупость... Разобдиши стариковъ... Вѣдь ты пріѣхала до осени,—подъ какимъ же предлогомъ уѣдешь? Да и потомъ: куда? Въ Петербургъ, та chere, теперь еще скучнѣе, чѣмъ въ Горбатовскомъ.

— На дачу! пролепетала она.

— Куда же это, на какую? Вѣдь у насъ подъ Петербургомъ нѣть дачи. Если нанять—всѣ лучшія теперь заняты. Объ этомъ нужно было раньше подумать.

— Мнѣ вездѣ будутъ рады...

— Ахъ, такъ это переѣзжать отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ въ видѣ бездомной приживалки? — прекрасно!

— Владиміръ, ты говоришь глупости. Какое сравненіе! Какъ тебѣ не стыдно! развѣ я могу быть приживалкой?

— На то будетъ похоже! А главное—я не понимаю, что за удовольствіе?! Погоди, тутъ собираясь станутъ... наѣдутъ гости...

— Нечего сказать, интересны здѣшніе гости!

— Изъ Петербурга кто нибудь пріѣдетъ.

— Однако же никто неѣдетъ. Ну, да пойми же ты, пойми... я не могу... не могу... я умираю со скучи!.. я готова утопиться!..

— Такъ я тебѣ вотъ что посовѣтую, Катерина Михайловна! сказалъ совершенно спокойно и почти совсѣмъ закрывая глаза Владиміръ.—Уложи свои вещи и

завтра же одна отправляйся въ Петербургъ. Право это будетъ самое лучшее...

Она надулась, топнула ножкой, потомъ упала въ кресло и вдругъ зарыдала какъ маленький ребенокъ.

Владиміръ открылъ глаза, презрительно взглянулъ на нее и вышелъ.

Но теперь, сидя съ Татьяной Владиміровной на террасѣ, Катринъ вовсе уже не думала объ отѣздѣ. По ея хорошенькому лицу то и дѣло скользила и пропадала улыбочка. Она думала о чёмъ то пріятномъ.

Однако вдругъ ея тонкія бровки сдвинулись, на губахъ промелькнуло что то злое и, не отрываясь отъ своего вышиванія, она проговорила:

— Маман, вѣдь вы знаете эту неспосную толстую Маратову?

Татьяна Владиміровна съ нѣкоторымъ изумленіемъ на нее взглянула.

— Не только знаю, но даже очень люблю! отвѣчала она.—Отчего же она несносная? Я нахожу ее доброй и прекрасной женщиной.

— Я не спорю, маман, можетъ быть она добрая, я ея сердцемъ не интересовалась, а что она несносная—это всякий скажетъ. Ни одного дня нельзя прожить, чтобы ее не встрѣтить... куда ни отправишься—она всюду! Катится какъ бомба, сопить, посы кверху, усы... препротивная!

Татьяна Владиміровна улыбнулась.

— Душа моя, да вѣдь и княгиня Маратова можетъ называть несносными тѣхъ, съ кѣмъ она всюду встрѣчается!

Катринъ немножко надулась. Но она была въ такомъ настроеніи духа, что долго сердиться никакъ не могла, а потому ограничилась только замѣчаніемъ:

— Но у другихъ по крайней мѣрѣ нѣть такого носа, такихъ усовъ и такой толщины, другія не сопятъ... И въ этомъ, кажется, небольшая разница.

— Да къ чему ты меня обѣ ней спросила?

— Она взяла къ себѣ на воспитаніе какую то тамъ бѣдную родственницу...

— Ну да, свою племянницу... Я знаю... дѣвушка удивительной красоты...

Катринъ всплеснула руками.

— И вы тоже!.. Нѣть, это наконецъ невыносимо! что въ ней находятъ хорошаго?! Безцвѣтное, увядшее созданіе! и вдобавокъ никто еще не слыхалъ отъ нея умнаго, живого слова. Никакихъ манеръ, никакого воспитанія не получила... А теперь уже поздно ее воспитывать, не первой молодости...

— Что ты, Катринъ! я въ прошломъ году ее видѣла, она совсѣмъ молодая дѣвушка и, на сколько помню, очень хорошо себя держитъ. Она именно поразила меня своей красотой и изяществомъ...

— Да, вотъ я теперь ее совсѣмъ ясно себѣ представляю... продолжала Татьяна Владиміровна.—Прелестная!.. Я думаю, она многимъ голову кружить въ Петербургѣ?

Катринъ не могла больше выдерживать. Вся ея веселость, довольство пропали. Она получила снова способность сердиться и разсердилась не на шутку. Лицо ея покраснѣло, даже лобъ, даже тонкая, нѣжная шея.

— Какой же это порядочный человѣкъ можетъ обратить вниманіе на подобное ничтожество, на такую rag-vue!..

— Что же она тебѣ сдѣлала, Катринъ? кротко и грустно спросила Татьяна Владиміровна.—За что ты ее такъ не любишь. За что браницъ, скажи—за что... Можетъ быть ты права, я не знаю...

Но Катринъ не слушала, она продолжала все съ возраставшимъ раздраженіемъ:

— И эта Маратова не только что теперь сама всюду торчитъ, но таскаетъ за собою и воспитанницу... Это наконецъ оскорбительно!.. Во что это наконецъ превра-

теперь онъ — разбитый турками полководецъ, обманутый народный вождь, невидавший врага герой. Чувства неправости и злобы овладѣли княземъ Ипсиланти.

Онъ сѣль за столъ и написалъ послѣдній приказъ по войскамъ слѣдующаго содержанія:

„Воины! нѣть, не хочу осквернить это честное, священное имя, называя имъ васъ. Трусливое стадо людей! ваши измѣны и коварные поступки заставляютъ меня оставить васъ. Впередъ всякая связь между мною и вами разорвана. Только глубоко въ душѣ понесу стыдъ, что я вами начальствовалъ. Вы преступили клятвы, предали Бога и родину, предали и меня въ ту минуту, когда я надѣялся побѣдить или умереть со славой вмѣсть съ вами. Я васъ оставляю. Обратитесь къ туркамъ, которые одни достойны васъ. Оставьте лѣса, сойдите съ горъ, этихъ убѣжищъ вашей трусости, и идите къ туркамъ облобызать руки ихъ, на которыхъ не остыла еще священная кровь безчеловѣчно-умерщвленныхъ нашихъ святителей, патріарховъ, архіереевъ и тысячъ другихъ неповинныхъ нашихъ братій. Да! спѣшите искупить ваше рабство своей жизнью, честью нашихъ женъ и дѣтей.

„Вы же, тѣни истыхъ эллиновъ священного баталіона, павшихъ жертвами предательства, павшихъ за свою родину! вамъ благодарность нашихъ соотечественниковъ. Пройдетъ немногого времени и возникнетъ памятникъ, который обезсмертитъ ваши имена!“

Окончивъ писать этотъ приказъ, Ипсиланти позвалъ Лассани.

— Вотъ, дорогой товарищъ, мое прощеніе съ этими трусами и измѣнниками! Разошли его съ конвойными по всѣмъ начальникамъ частей. Остальныхъ распусти. Я останусь одинъ.

Лассаніи изумленно посмотрѣлъ на Ипсиланти.

— Нѣть, ваше сіятельство, начальникъ онъ, вы были нашъ начальникъ, но сверхъ того вы были и другъ нашъ. Друзей не оставляютъ въ несчастіи!

— Благодарю тебя, дорогой мой товарищъ, проговорилъ князь Ипсиланти чуть не со слезами, обнимая Лассани. Твои слова единственное утѣшеніе въ эти тяжелыя минуты моей жизни.

Уже поздно вечеромъ семеро всадниковъ пробирались по узкой трансильванской дорогѣ въ ущельяхъ Карпатъ, стараясь къ свѣту добраться до австрійской границы. Утреннее зарево, охватившее розовою пеленою вершины сѣжихъ скалъ, застало ихъ невдалекъ отъ пограничнаго города Ремертурна. Въ ущельи было сырьо и мрачно. Нагорный ручей спѣжныхъ горъ съ шумомъ катилъ свои звонкія кристальныя воды, свѣжій горный воздухъ оглашался безконечными криками встреченныхъ птицъ, въ чудесныхъ горныхъ лѣсахъ. Направо, въ ущельѣ, роскошно зеленѣла цвѣтущая небольшая полянка, среди дикихъ и грозныхъ массъ гранитныхъ скалъ.

— Мы здѣсь остановимся, господа, сказалъ князь Ипсиланти.

— Что за чудное мѣсто, князь, замѣтилъ ротмистръ Гарновскій, такой же беззаботный и веселый, какимъ былъ при переходѣ черезъ Прутъ.

— До Ремертурна верстъ пять, не больше, продолжалъ Ипсиланти, затягивая поводья. Будьте добры, Лассаніи, сѣѣдите въ городъ и объявите объ насъ комисару, — можетъ мѣстная власть имѣютъ на нашъ счетъ какія нибудь инструкціи. Спросите также, нѣть ли писемъ отъ княгини Ольги.

Лассаніи продолжалъ путь до границы, остальные всадники расположились бивуакомъ на горной полянкѣ. Князь Ипсиланти прилегъ на покрытую росою траву, но не могъ заснуть. Его сильно беспокоили вѣсти изъ Вѣны, такъ какъ съ этимъ извѣстіемъ связана была судьба не его одного, но и шести человѣкъ сопровождавшихъ его друзей. Черезъ часъ Гарновскій замѣтилъ возвращающагося Лассаніи.

— Ну что хорошаго? спросилъ съ беспокойствомъ Ипсиланти.

— Мало, ваше сіятельство, отвѣтилъ Лассаніи, слѣзая съ лошади и подавая письмо отъ княгини Ольги.

Ипсиланти прочиталъ его и нахмурился. Письмо заключало сообщеніе, что Императоръ и Миттернихъ, не желая столкновеній разноличныхъ народностей, составлявшихъ Имперію, на всякую попытку борьбы за независимость смотрѣть какъ на бунтъ и что, не смотря на всѣ ея старанія при дворѣ, въ высшей администраціи уже сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи предводителей гетеристовъ, если они перейдутъ границу Австріи.

— Вы видѣли комиссара? спросилъ Ипсиланти.

— Видѣль, ваше сіятельство. Онъ сказалъ, чтобы вы вѣхали въ предѣлы Австріи подъ именемъ итальянца Камнена.

— Поѣдемте, господа, перебѣль его князь Ипсиланти, глубоко вздохнувъ. Позади насъ, дорогие друзья, продолжалъ онъ, сѣѣ на лошадь, позоръ, впереди заточеніе! но вѣдь мы не одни; вѣсто насъ найдутся другіе и родина наша будетъ свободна! Едемте!

По приказанію австрійскихъ властей, какъ извѣстно, вмѣстѣ со своими спутниками, Ипсиланти заключенъ былъ въ венгерскій замокъ Мункачъ. Нездоровая мѣстность, въ которой расположены замокъ, разрушительно подействовала на слабое здоровье князя. Черезъ два года заключенія его перевели въ Тerezienstadt и только въ 1827 году, по настоянию Императора Николая, освободили изъ заключенія этого первого ратоборца за греческую независимость. Какъ тѣнь, какъ слабое подобіе

прежняго, вышелъ русскій генераль изъ тюрьмы австрійской, какъ тѣнь гулялъ онъ иногда по вѣнскимъ бастіонамъ и вскорѣ умеръ, будучи всего 38 лѣтъ отъ роду.

Такъ неудачно окончилась первая попытка греческихъ патріотовъ.

ХII.

Передъ твердынями Варны, на широкомъ рейдѣ около Сажомлыка, тихо качался на бушующихъ волнахъ трехмачтовый линейный корабль. Осенний юго-восточный вѣтеръ нагонялъ высокія волны, съ шумомъ ударявшися о борта корабля и разлетавшися въ тысячи брызговъ, подобно водопадамъ. На реяхъ мачты суетились матросы, такелажъ былъ натянутъ, на рангоутѣ все было готово, чтобы взять паруса. Нѣсколько раздѣловъ амбразуръ, грозно чернѣвшихъ въ верхнихъ бортахъ корабля, изъ которыхъ выглядывали массивныя жерла колоссальныхъ орудій, придавали морскому чудовищу видъ неприступной морской крѣпости.

Якорь былъ поднятъ. Подъ крѣпкимъ юго-восточнымъ вѣтромъ корабль тронулся, тяжело разсѣкая бушующія волны.

На кормѣ, подъ палубою и на самой палубѣ, размѣстилось пятьсотъ человѣкъ запорожцевъ, принятыхъ на турецкій корабль изъ Варны, для доставленія въ Эгейское море. На острокахъ его въ то время уже пытало пламя восстания. Суровыя лица закаленныхъ въ бояхъ и невзгодахъ потомковъ старыхъ сѣчевиковъ казались спокойными — они не волновались передъ предстоящимъ боемъ, ожиданіемъ кровавыхъ сценъ и потрясающихъ картинъ человѣческой смерти. Они привыкли смотрѣть прямо въ глаза смерти, не жалѣя о своей жизни, не щадя и чужой. Боевая схватка, удалъ, безстрашіе — это ихъ прямое дѣло, ихъ страсть. Подъ ударами ихъ острыхъ сабель будеть литься христіанская кровь, они идутъ на сторону невѣрныхъ, должны будуть примкнуть къ тѣмъ проявленіямъ мусульманскаго фанатизма, о которыхъ узналъ весь свѣтъ и содрогнулся. Все это ихъ не страшило и не смущало. Замкнувшись въ свое мѣсто неуютномъ уголкѣ, среди болотъ дунайскаго устья, вѣчно борясь съ неподатливою природою, промышляя все нужное захватомъ и грабежомъ, они человѣческую доблесть видѣли только въ боевой удали. Этотъ безбрачный военный орденъ стариннаго казацкаго уклада имѣлъ одно только правило — продавать свою удалъ и безстрашіе за дорогую для нихъ, беззащитную волю, и ставили ее, эту волю, выше всего — выше племенныхъ влечений, выше религіозныхъ вѣрованій, даже выше природныхъ политическихъ выгодъ.

Атаманъ Морозъ и его товарищъ Осипъ вышли изъ каюты паша Кора-Али. Стоявший у входа турецкій часовой отдалъ салютъ начальникамъ запорожскаго войска. Въ инструкціяхъ изъ Константинополя имъ предписывалось принять въ Босфорскомъ рейдѣ приготовленную для нихъ бригантину и тотчасъ же выступить въ Эгейское море для борьбы съ возвставшими греками вмѣстѣ со всѣмъ турецкимъ флотомъ.

— Не ушло отъ насъ наше, проговорилъ Морозъ, остановясь у амбразуры одного громаднаго орудія.

— Дѣла будуть много, отвѣтилъ отрывисто Осипъ.

— Ты не доволенъ что-то, землякъ?

— Чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, еще сердитѣе отвѣтилъ Осипъ. Паша только говорилъ, что на насъ султанъ надѣется какъ на вѣрныхъ слугъ, что храбрость и вѣрность нашу онъ испыталъ давно, а что онъ обѣщалъ намъ за это? Изъ-за чего мы идемъ рубиться? Все же развѣ хорошее дѣло? Противъ своихъ-то, христіанъ! Изъ-за чего положимъ мы свои головы? Изъ-за клочка этихъ негодныхъ болотъ, да песку?.. Развѣ все это хорошо, атаманъ? проговорилъ съ сердцемъ Осипъ.

— Эге, землякъ, такъ ты, выходитъ, недоволенъ его султанскимъ величествомъ; видно ты наслушался глупыхъ рѣчей въ Плавчеринѣ. Ты, послушай, землякъ, эти глупости оставь; тамъ, въ куреняхъ, за чаркой горилки, можешь болтать всякую пустяковину, а теперь, какъ саблю отточена, нечего разсуждать, — иди на кого вѣлѣно. Изъ Плавчерины я ни одного казака не взялъ, пускай тамъ съ Павлюгой болтаютъ на досугѣ, а здѣсь, братъ, этого я не позволю: смотри — заикнется кто — въ мѣшокъ и въ воду...

— Я, атаманъ, не то говорилъ, перебилъ его осторожно Осипъ. Слово было къ тому, что надо бы намъ сказать пашѣ такъ, что запорожцы никогда никому не измѣняли и султану останутся вѣрны, но Запорожью неладно сидѣть на дунайскихъ гирлахъ: кровью своей они ужъ давно заслужили милости султана. Теперь у него возмутились его подданные, останутся и земли, острова богатые; и слѣдовало бы сказать пашѣ, чтобы онъ походатайствовалъ у султана, отдать намъ за нашу службу берегъ либо островъ какой на морѣ, а мы бы сторожили его морскія владѣнія. Вотъ къ чему было слово мое, атаманъ.

— Стало-быть ты винишь меня, почему я этого не сказалъ; чего же ты самъ не говорилъ объ этомъ пашѣ, ты письменный, ты все дѣла вѣдаешь.

— Мнѣ говорить объ этомъ не пригоже было; пашѣ было отъ тебя это услышать.

— Досадно, право досадно, проговорилъ Морозъ, какъ бы про себя. И какъ это тогда мнѣ не пришло въ голову, да и ты хороши — чего ты меня не надоумилъ.

— Я уже давно тебѣ, атаманъ, намекалъ объ этомъ, да ты

слушать не хотѣлъ. Теперь, говорятъ, много греческихъ островъ разнесли въ прахъ, такъ что ни одного человѣка тамъ не осталось. Заселять ихъ, разумѣется, турки. Султанскіе слуги разберутъ ихъ себѣ въ вотчины, навезутъ изъ Азіи всякаго мусульманскаго сброва, а мы опять вернемся въ свои болота ни съ чѣмъ.

— Что вѣрно, то вѣрно, другъ; голова у тебя умная, ты всякое дѣло доточно видишь. Экая досада! А намъ куда какъ къ дѣлу было бы поселиться тамъ на морѣ.

— Какъ же не къ дѣлу. Ты самъ знаешь! Мы бы устроились на этихъ островахъ такъ, что обѣ настъ весь свѣтъ заговорилъ бы.

— Ну да обѣ этомъ еще можно съ нашей поговорить. Дѣло еще не пропало. Но только нашимъ ни пол слова обѣ этомъ. Не ихниго ума это дѣло.

— Зачѣмъ говорить имъ о такихъ дѣлахъ, отвѣтилъ небрежно Осипъ.

Атаманъ и Осипъ направились въ отведенную имъ штабъ-офицерскую каюту, помѣстительную и обставленную такою роскошью, какой они никогда не видали, да къ какой вовсе и не привыкли. Широкіе, покрытые штофомъ диваны, посреди большой столъ краснаго дерева; въ расписныхъ стѣнахъ вѣланы зеркала, кругомъ бронза, шелкъ и тѣ удобства восточной роскоши, которыхъ невольно смягчаютъ чувства и клонять къ нѣгѣ. Два негра назначены въ услугу начальникамъ запорожцевъ. Морозъ суроно смотрѣлъ на эту роскошь и на эту несвычную ему обстановку. Закаленному казаку казалось непріятно, тѣсно и душно, не нравилось все это ему, онъ боялся этого. „Вотъ гдѣ человѣкъ душу то теряетъ, вотъ гдѣ бабой дѣлается“, подумалъ онъ. Осипу же нравилась эта обстановка, онъ видѣлъ въ ней образы иной, лучшей жизни и лучшихъ порядковъ. „Къ чему это жить какъ звѣрямъ, все бросать, всѣ удобства, красоту, порывы души и сердца, какъ это дѣлаютъ запорожцы. Можно же быть храбрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться и хорошимъ“, думалъ Осипъ.

Послѣ роскошнаго обѣда, за которымъ, непривыкшимъ къ барству запорожцамъ, прислуживали подобострастно негры, Морозъ, подъ вліяніемъ ковшѣй выпитаго имъ прекраснаго кипрскаго вина, развалился на штофономъ диванѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ. Осипъ вѣль себя сдерганиѣ, пилъ мало и не

могъ никакъ заснуть. Онъ любовался окружающею его роскошью, ему казалось, что при такихъ условіяхъ и дышется свободнѣе и живется легче. Отдернувъ онъ шелковую занавѣску, въ окнѣ передъ нимъ раскинулось мрачное, вздымаемое сильнымъ вѣтромъ Черное море, сѣрое, непривѣтливое, сердитое. Осипъ вспомнилъ, какъ недавно еще онъ съ своими запорожцами на легкой соемнѣ мчался въ такую же неногоду и по тому же грозному морю за добычей, не взирая ни на завываніе вѣтра, раздавшаго ему лицо, ни на ливень, мочившій его. Теперь онъ укрыть отъ этихъ грозныхъ стихій, теперь ему тепло, удобно, покойно; онъ роскоши, въ почетѣ. Другіе запорожцы єжатся теперь на палубѣ, укрываясь отъ вѣтра и дождя бурками, а матросы стоятъ на реяхъ съ окоченѣлыми руками. Отчего же я здѣсь? спросилъ себя Осипъ и рѣшилъ, что дано преимущество, выходитъ, — онъ стоитъ того, выходитъ — онъ выше и умнѣй другихъ. „Еще въ Мельникахъ, началъ мечтать онъ, чуялось мнѣ не за плугомъ мнѣ ходить, ужъ и у Гоффа видѣлъ я, что не прикащи комъ мнѣ быть у нѣмца; все тянуло куда-то, все чуялъ я въ себѣ экую силу и все хотѣлось большаго... Вотъ и здѣсь, продолжалъ разсуждать самъ съ собою Осипъ, развѣ могутъ меня равнять съ другими запорожцами. За ними что? храбрость, отвага? Эка штука! да этого добра и у меня хватить, а тутъ надо разсужденіе, чтобы человѣкъ могъ мыслями раскинуть. А я съумѣю разгадать всяко дѣло какъ оно будетъ, а не такъ, какъ оно теперь ходитъ передъ носомъ у каждого. За это меня и выбрали въ товарищи Морозу. А Морозъ что? — Морозъ простой краснохижинскій казакъ, только и умѣть что вертѣть саблей да рулемъ; по нынѣшнимъ временамъ съ этимъ далеко не уйдешь“.

И Осипъ былъ доволенъ собой, своимъ положеніемъ, столь быстро и какъ бы чудесно, неожиданно имъ достигнутымъ. Красивый, шитый золотомъ жупанъ обтягивалъ его стройный станъ, черная, кудрявая, небольшая борода и небольшие усы придавали его красивому, оживленному веселымъ большими голубыми глазами, лицу въ одно и то же время и молодцоватость и отвагу, грацию и нѣжность. Онъ дѣйствительно былъ замѣтнѣе, даже по виѣшности, своихъ товарищѣй, угрюмыхъ, грубыхъ и жесткихъ запорожцевъ.

(До слѣд. №).

Землетрясеніе въ Искіи.*)

Очеркъ.

Всѣ, кто не спалъ въ Неаполѣ въ часъ ночи съ 28 на 29 іюля, слышали тревожные пушечные выстрѣлы съ моря и звуки военныхъ трубъ на берегу, но никто не могъ объяснить себѣ этихъ сигналовъ. По утру, въ воскресенье, по городу пронеслась неясная вѣсть, была названа Казамиччіола, говорили о землетрясеніи; разсказывали, что префектъ уже въ два часа утра отправился въ Искію на пароходѣ „Электрикъ“ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ властей и двадцати карабинеровъ. Но никто не зналъ ничего навѣрное. Только часамъ къ десяти извѣстія опредѣлились, было ясно, что произошло нѣчто неслыханно страшное, изо всѣхъ устъ слышалось: „Казамиччіола разрушена ужаснымъ землетрясеніемъ! Спаслись только немногіе! По меньшей мѣрѣ пять тысячъ человѣкъ погребено подъ развалинами!“ Ужасъ обѣялъ весь городъ, въ особенности лицъ, родные и друзья которыхъ находились въ то время на островѣ. Всѣ устремились къ телеграфу, но сообщеніе съ островомъ было прекращено, обратились къ властямъ, но тѣ сами не имѣли еще свѣдѣній; направились къ гавани и тутъ отъ только что прибывшихъ на двухъ пароходахъ несчастныхъ, спасшихъ только свою жизнь, можно было узнать, что несчастіе превосходить всѣ человѣческія понятія. Большинство прибывшихъ не въ состояніи было говорить, всѣ выглядѣли ужасно, съ ихъ блѣдными, израненными лицами, покрытыми известкой, въ изорванныхъ латахъ.

Теперь префектъ также получилъ первыя депеши, вызвавшія о помощи. И такъ пушечные выстрѣлы были просьбой о помощи, но никто ихъ не понималъ. „Пришлите войско, охрану, карабинеровъ, рабочихъ,—стояло въ депешѣ,—пришлите хлѣба, вина, одежду, матрацы, носилки и лекарства, но прежде всего пришлите докторовъ“. Все въ городѣ засуетилось. Всѣ пароходы въ гавани, числомъ четырнадцать, развели пары, собралось войско и всѣ способные подать помощь были увезены на пароходахъ. Тысячи народа въ нѣмомъ ужасѣ стояли у гавани, по между ними были стонущіе и плачущіе мушки, женщины и дѣти, просившія, ради Бога, привезти имъ вѣсть изъ Искіи о дорогихъ существахъ.

Въ гавань съ острова прибываетъ первый пароходъ. На немъ спущенъ флагъ — признакъ, что на немъ есть мертвые. Приходить второй пароходъ, — тотъ-же сигналъ. Кто когда либо находился въ страхѣ за жизнь близкаго человѣка, тотъ пойметъ то лихорадочное волненіе, съ какимъ ожидающіе устремились къ суднамъ. Но тутъ ихъ встрѣтило войско, препятствующее настѣну. Наконецъ къ берегу пристаетъ первая лодка съ ранеными, положенными на матрацы, доски, двери; между прибывшими много лицъ интеллигентнаго круга. На несчастныхъ устремлены взоры стоявшихъ на берегу. Но лица ихъ съ трудомъ

могно узнатъ; головы большинства сильно разбиты, съ запекшіеся кровью, распухшія. Начинается душу потрясающее шествіе: тутъ есть крестьяне, виноградари, старыя женщины, прелестныя молодыя девушки, крошечныя дѣти, одна дама въ шелковомъ платѣ съ бриллиантовымъ браслетомъ на переломанной руцѣ, лодочники, сыновья графовъ, ницѣ, всѣ покрыты густымъ слоемъ известковой пыли, черезъ которую мѣстами просачивается кровь, всѣ со страшными ушибами, переломами костей, широкими, открытыми, наскоро заткнутыми ватою ранами, и всѣ безмолвны, пораженные громадностью несчастія. Не слышно ни звука, только изъ устъ народа вырывается стоны при видѣ шествія, ни одни глаза не остаются сухими, плачутъ и рыдаютъ даже крѣпкіе мушки.

И это только немногіе предвестники случившагося, авангардъ; масса несчастныхъ осталась еще на мѣстѣ засыпанной развалинами города, погребенно живѣмъ.

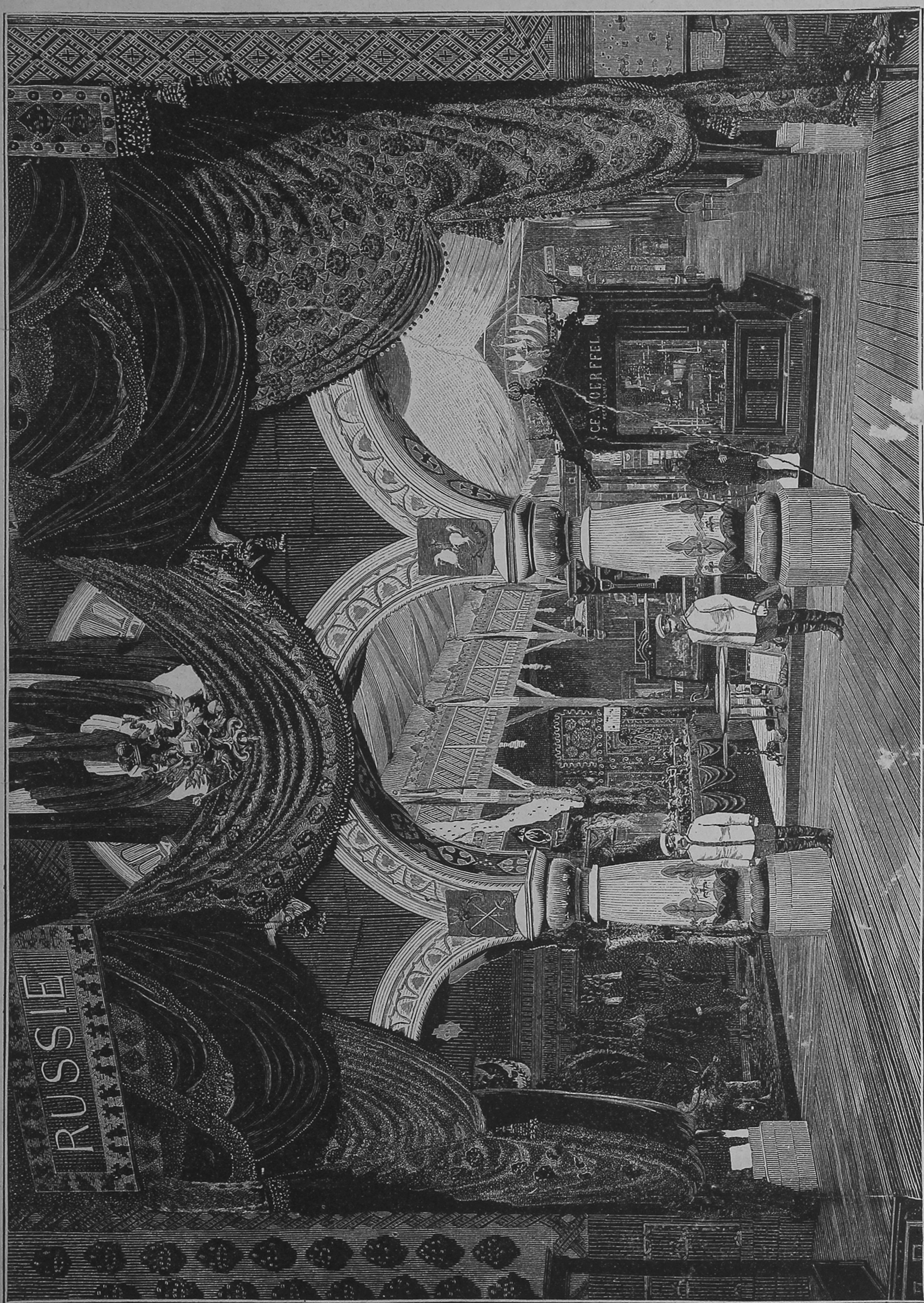
Вотъ вновь прибываютъ три парохода съ такимъ-же печальнымъ грузомъ, два другихъ показываются изъ-за Песилипо.

Сегодня первое августа. Съ воскресенья, съ самого ранняго утра пароходы работаютъ безустанно день и ночь, привозятъ раненыхъ въ госпитали Неаполя и увозятъ отсюда все необходимое для первой помощи; но всего болѣе чѣмъ недостаточно, недостаетъ хлѣба, а также дезинфицирующихъ средствъ — известье недостаточна для гробовъ. Но болѣе всего недостаетъ рукъ, и этому нужно приписать большое число погибшихъ жертвъ, такъ какъ многіе засыпаны и оставшіеся живыми, что доказывали подземные возгласы и стоны, слышанные на второй и третій день, за недостаткомъ рукъ, обречены были на смерть.

Къ этому присоединяется еще и то, что до сихъ поръ исключительно занимались Казамиччіолой, оставляя безъ помощи совсѣмъ постигнутыя землетрясеніемъ мѣста. Между тѣмъ сдѣлалось извѣстіемъ, что въ Форіо засыпаны тысяча человѣкъ и тысяча въ Лакко Амено. Такоже нѣть возможности и времени раскапывать Касали, пріютившееся въ развалинахъ на склонѣ Эпомео и насчитывающее тоже нѣсколько десятковъ погибшихъ.

Самое вѣрное и подробное описание не въ состояніи дать понятія о величинѣ несчастія. Нужно было видѣть разрушеніе, чтобы понять, какъ отчаяніе овладѣвало самыми энергичными людьми, какъ всѣ убѣждались, что людская помощь здѣсь беспомощна. Власти давно упали духомъ, запахъ разлагающихся тѣлъ до того заразилъ воздухъ, что только дисциплинированное войско въ состояніи работать при такихъ условіяхъ; прочіе же рабочіе отказываются. Власти боятся ужасныхъ послѣдовательностей, въ особенности имѣя въ виду слухи объ угрожающей холерѣ; потому не удивительно предложеніе засыпать всю Казамиччіолу извѣстью и прекратить раскопки.

* См. рисунки въ „Нивѣ“ № 33.

Международная выставка въ Амстердамѣ. Общий видъ русскаго отѣла. Съ фотогр. грав. М. Рапевскій.

Картина опустошения не поддается никакому описанью. Такъ и кажется, что здѣсь титаны въ припадкѣ безумія побросали дома, что колоссальный плугъ вдоль и поперегъ провелъ глубокія, беспорядочныя борозды. Улицы превратились въ хребты горъ, возвышенности—въ пропасти, площади—въ группы скалъ. Измѣнена вся мѣстная топографія и нѣтъ ни одного известнаго пункта, откуда можно было бы ориентироваться. Куда дѣвалась церковь, муниципальное зданіе, почта? гдѣ виллы Верди, Пизани, Суре? Гдѣ домъ епископа, который погребенъ подъ развалинами. Гдѣ купальное зданіе Мизерикордія? Все это исчезло, а съ ними и сосѣдніе дома и хижины бѣдныхъ гражданъ и крестьянъ.

Площадь Казамиччіолы, въ 700 метровъ длиною, превратилась въ сѣрую известковую пустыню. Извѣстная фраза: не осталось камня на камнѣ,—вполнѣ здѣсь примѣніма. Болѣе трехъ тысячъ человѣкъ осталось подъ развалинами и откопано только нѣсколько сотенъ. И это должно быть вѣрно, судя по страшнымъ рассказамъ, какъ погибли цѣлые семьи, состоявшія изъ шести, восьми и десяти лицъ. Несчастіе случилось такъ неожиданно и внезапно, что о спасеніи и бѣгствѣ нельзѧ было и помышлять.

Въ „Пикколі Сантиеллі“, которая сдѣлалась гробницей массы людей, несчастіе было ужаснѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Тутъ въ обширномъ залѣ собралось веселое общество въ ожиданіи музыкального вечера; всѣ комнаты этого четырехъ-этажнаго дома были заняты прѣжними. Многія семьи послѣ общаго обѣда ушли въ свои нумера. Никто не думалъ объ опасности. Вдругъ въ 9 ч. 50 м. почва заколыхалась, раздался оглушительный трескъ, и въ нѣсколько секундъ сотни дѣтущихъ, счастливыхъ жизней были погребены.

Описывать ли отдѣльные случаи? У меня застыаетъ кровь когда я подумаю о тѣхъ существахъ, дрожавшихъ въ лихорадкѣ подъ палящимъ солнцемъ, которыя прѣхали изъ Неаполя и безпомощныя бродили по развалинамъ, прислушиваясь и присматривалась. Я приведу только одинъ случай, рассказанный мнѣ молодымъ Ерочѣ, единственнымъ лицомъ, оставшимся въ живыхъ изъ цѣлой богатой, знатной семьи, жившей въ Пикколі Сантиеллі. Вся семья, пятидесятичетырехлѣтній отецъ, мать, тетка, два сына и красавица дочь сидѣли у себя въ гостиной и разговаривали. Дочь играла на мандолинѣ. Наступила минута несчастія. Точно подхваченный ураганомъ, всѣ лица были разбросаны по сторонамъ, подкинуты къ окну и покрыты обрушившимися стѣнами. Старшій сынъ со сломанной рукою и раздробленной ногой попалъ между обломковъ, но голова его была свободна, онъ видѣлъ смерть своего брата, матери и дорогой сестры, слышалъ все происходящее на островѣ, подземный грохотъ, шумъ рушившихся массъ, крики ужаса, вой собакъ, но самъ отъ страха потерялъ сознаніе; наконецъ онъ очнулся и услышалъ голосъ; то былъ голосъ его отца. Они начали переговариваться и утѣшать другъ друга. Отецъ просилъ его, заслушавъ приближеніе шаговъ, предлагать за спасеніе ихъ сто, двѣстѣ тысячъ лиръ. Послѣ нѣсколько часоваго напряженія ожиданія, они услышали чѣто приближеніе, начинается мольба о спасеніи и предложеніе награды, но тотъ съ рыданіемъ проходитъ мимо, онъ ищетъ вѣроятно жену, ребенка. Къ десяти часамъ утра голосъ несчастнаго отца умолкъ, а въ двѣнадцать—былъ откопанъ сынъ, послѣдній отпрыскъ счастливой семьи. Такихъ и еще болѣе страшныхъ исторій множество.

Франкфуртъ на Майнѣ.

(Рис. на стр. 828 и 829).

Франкфуртъ на Майнѣ, бывшій до 1866 г. вольнымъ городомъ, въ настоящее же время областной городъ прусского округа Бисбаденъ, по своей торговлѣ, промышленности и богатству считается однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Германской имперіи. О благопріятномъ географическомъ положеніи Франкфурта и его окрестностей Сидовъ выражается такъ: „Франкфуртскій бассейнъ (мѣстность между Франкфуртомъ, Майнцомъ и Дармштадтомъ) можно сравнить съ центральнымъ вокзаломъ, куда сходятся рельсовые пути изъ Гессена, Франконіи и Швабіи, изъ Эльзаса, Рейнфальца и Лотарингіи, изъ верхняго и нижняго Рейна; его также можно считать важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ для защиты западной нѣмецкой границы“. Расположенный по обоимъ берегамъ быстро текущей рѣки и защищенный съ сѣвера горою Таунусъ, Франкфуртъ обладаетъ болѣе благопріятными условіями для здоровья, чѣмъ большинство нѣмецкихъ и европейскихъ городовъ. Многочисленная большія и малыя площади доставляютъ городу достаточно свѣта и воздуха.

Промышленная дѣятельность Франкфурта очень значительна; между фабриками его особенно выдаются всякою рода машины фабрики, а также химическая, изъ которыхъ хинная фабрика Циммера считается учрежденіемъ, имѣющимъ европейское значеніе. Далѣе идутъ фабрики мыльныя, парфюмерныя, литеини, шляпныя, и специальность Франкфурта—фабрики для рѣзанія шерсти, на которыхъ заячья и кроличья шерсть приготовляется для шляпныхъ фабрикъ. Значительное мѣсто въ торговлѣ занимаютъ полиграфическая промышленность, а также книгоиздание, литографированіе и литье шрифта. Здѣсь также изготавливаются всѣ цѣнныя бумаги и денежная бумага, даже японская. Но самую важнѣйшую промышленную отрасль Франкфурта составляютъ его мѣняльни и банкирскія конторы. Этими послѣдними онъ приобрѣлъ значеніе международнаго города и имѣ-же онъ обязанъ своимъ положеніемъ какъ первого мѣняльного и биржеваго мѣста въ Европѣ.

Начало Франкфурта можно отнести ко времени Меровинговъ, такъ какъ документально онъ извѣстенъ съ 793 года, хотя болѣе значительнымъ мѣстомъ ойтъ сдѣлался только въ 794 г. Въ это время Карлъ Великій построилъ во „Франкенфуртѣ“ королевскій дворецъ, который стоялъ на мѣстѣ нынѣшней церкви Св. Леонарда. Людовикъ Благочестивый избралъ его своимъ мѣстопребываніемъ и въ 838 г. окружилъ городъ стѣнами и рвами. Послѣ Верденскаго договора Франкфуртъ сдѣлался столицей Остфранкскаго государства или Германии, а въ 850 году былъ расширенъ Людовикомъ Германскимъ, сдѣлавшимъ его своей резиденціей. Частыя пребыванія въ городѣ королей, происходившіе здѣсь сеймы и церковные соборы, основаніе духовнаго института и многочисленная пожертвованія мѣстной церкви возвысили городское общество и положили главное основаніе позднѣйшему процвѣтанію города. Даже и въ то время, когда короли не жили здѣсь постоянно, Франкфуртъ считался королевскимъ имуществомъ и главнымъ городомъ Остфранковъ. Послѣ избранія здѣсь въ 1152 г. въ государи императора Фридриха I, Франкфуртъ сдѣлался обычнымъ мѣстомъ избранія королей. Въ 1245 г. онъ сталъ Имперскимъ городомъ, а въ 1250 была образована здѣсь должность имперской старшины. Франкфуртскій судъ считался высшимъ судебнымъ мѣстомъ для всей пограничной мѣстности. Вначалѣ большинство городскихъ до-

ходовъ принадлежало государству, по впослѣдствіи при Генрихѣ IV и Фридрихѣ II, самые доходы и даже завѣдываніе ими были отдаваемы подъ залоги и даже продаваемы, что послужило къ увеличенію и развитию города. Самое же цвѣтущее время для Франкфурта начинается съ 1500 г. послѣ установленія въ городѣ императоромъ Максимилианомъ I порядка и мира. Съ тѣхъ поръ начинается процвѣтаніе наукъ и промышленности, а изображеніе книгопечатанія дало новый толчокъ образованію и развитію. Во второй половинѣ 18 столѣтія во Франкфуртѣ поселилось много нидерландскихъ семей, покинувшихъ отчество изъ-за религіозныхъ притѣсненій; они то были причиной необыкновенного поднятія производительности города, хотя какъ колонисты много претерпѣвали непріятностей со стороны населенія. Во время французской революціонной войны Франкфуртъ былъ завоеванъ Кюстеномъ въ октябрѣ 1792 года и обложенъ контрибуціей, но 2 декабря снова былъ освобожденъ прусскими и гессенцами, возвращавшимися изъ Шампаніи. Въ 1810 году Франкфуртъ былъ сдѣланъ главнымъ городомъ новосозданнаго великаго герцогства Франкфуртскаго, а вѣнскимъ конгрессомъ онъ былъ провозглашенъ вольнымъ городомъ германскаго союза. Въ 1816 г. здѣсь происходили засѣданія Сейма. Въ позднѣйшее время Франкфуртъ испытывалъ много политическихъ и торговыхъ затрудненій. Устройство и управление его потерпѣли много измѣненій, начиная съ 18 октября 1866 г. состоялось присоединеніе Франкфурта къ прусскому государству, и съ тѣхъ поръ онъ образуетъ часть Бисбаденскаго округа. Въ новѣйшее время Франкфуртъ пріобрѣлъ историческую важность переговорами о мирѣ между Бисмаркомъ и Жюлемъ Фавромъ. Миръ этотъ былъ заключенъ 10 мая 1871 года и ратифицированъ 20 мая.

Иностранецъ прежде всего поражается необыкновеннымъ богатствомъ города. Говорить, что франкфуртцы кромѣ особенностей языка отличаются легкомысліемъ. Но легкомысліе это, счастливый даѣтъ природы, переходитъ у этого народа въ любовь къ художеству, къ прекрасному; такъ почти каждый въ городѣ занимается музыкой, рисованиемъ, поэзіей. Проходя утромъ по прекрасному зданію биржи и видя массу народа, занятаго исключительно денежными интересами, можно быть увѣреннымъ, что тѣ же самыя лица встрѣтятся вечеромъ въ театрѣ и съ наслажденіемъ будутъ слушать произведеніе Моцарта или Гете. Это соединеніе художественного вкуса, любви къ удовольствіямъ и дѣловаго направлениія очень характерично. Никакая денежная жертва не кажется великой для гражданина Франкфурта, если она касается какого нибудь сооруженія и украшения города. И обѣ этомъ свидѣтельствуетъ каждая улица, свидѣтельствуютъ зданія оперы, биржи и др., пальмовый садъ, садъ зоологической, общественные памятники, музей Штѣделя и прочія зданія.

Много прекраснаго представляетъ Франкфуртъ въ архитектурномъ отношеніи. Большия площади съ художественными памятниками, старыя, освященные историческими воспоминаниями церкви и дома, наконецъ великолѣпныя общественные новыя зданія, свидѣтельствующія объ общительности франкфуртцевъ, дѣлаютъ Франкфуртъ мѣстомъ великихъ воспоминаний и городомъ дѣятельнаго труда и художественного вкуса. Для большей наглядности перечислимъ выдающіяся мѣстные достопримѣчательности. Если при взгляде на средину

нашего рисунка, на такъ называемый „желѣзный мостъ“, перекинутый чрезъ Майнъ, получается оживленная городская сцена, то па верхнемъ рисункѣ величественный музей Штэделя изображаетъ художественный Франкфуртъ. Новое прекрасное зданіе это, оконченное въ 1879 г., лежитъ на лѣвомъ берегу Майна. Въ немъ помѣщается известный музей, завѣщанный городу въ 1816 г. банкиромъ Штэдлемъ. Здѣсь собрана масса картинъ, гравюръ и античныхъ и средневѣковыхъ изваяній. По болѣе выдающимся картинамъ института Штэделя, какъ напр. „Торжество вѣры“ Овербека, „Состязаніе пѣвцовъ къ Вартбургѣ“, „Буря у Норвежскаго берега“ Ахенбаха можно судить, какія сокровища находятся въ институтѣ. Слѣдующій рисунокъ изображаетъ самую лучшую и богатую улицу города Zeile (рядъ), затѣмъ идетъ зданіе Шанорамы и потомъ старая Ремербергъ. Такъ называется площадь, на которой стоитъ самое изобильное воспоминанія зданіе — Ремеръ, старый трехфронтоный домъ, перешедшій во владѣніе города въ 1405 году и въ которомъ избирались германскіе императоры. Ремербергъ составляетъ классическое мѣсто, на которомъ со средоточиваются всѣ увеселенія, сопровождающія коронацію и которая описаны Гете въ его „Правдѣ и поэзіи“. Въ боль-

шомъ залѣ Ремера, (изображеніемъ нальво внизу) находятся портреты всѣхъ германскихъ государей въ натуральную величину. Рядомъ съ Ремербергомъ помѣщено выстроенное изъ камня, стекла и желѣза новое зданіе „торгового двора“. Также нальво видно чудное зданіе оперы, открытое въ 1880 г., расходы по сооруженію котораго не покрыты еще и до сихъ поръ, несмотря на высокую цѣну театральныхъ билетовъ. Подъ рисункомъ оперы помѣщена роскошная новая биржа, выстроенная въ итальянскомъ стилѣ Возрожденія.

Возлѣ зала Ремера изображенъ соборъ,—старая готическая постройка, служившая прежде мѣстомъ коронованія государей. Въ настоящемъ видѣ соборъ стоитъ съ 13 или 14 столѣтія; послѣ большого пожара въ 1867 г. онъ былъ заново реставрированъ. Старый Майнскій мостъ построенъ въ 1342 г.; синагога и зданія садовъ пальмового и зоологического вози кли въ недавнее время. Памятникъ Гессенцамъ мы закончимъ обзорѣніе. Памятникъ былъ построенъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Прусскимъ въ память Гессенцевъ, павшихъ 2 декабря 1792 г. при штурмѣ Франкfurта французами. Онъ состоитъ изъ громадной кубической формы камня съложенными на немъ шлемомъ, мечемъ и выбитыми именами павшихъ.

Къ рисункамъ.

Первый дебютъ.

(Рис. на стр. 833).

Молоденький классикъ увлеченъ и заинтересованъ этой кокетливой, веселой, хотя и не очень хорошенѣкой дѣвушкой. Но это его первые шаги и онъ не слишкомъ разборчивъ. Онъ только что высказалъ нѣчто въ родѣ полуузнанія и жестоко сконфузился, сердясь на себя, досадуя, чуть не плача, что надѣялся такъ смѣются и не подозрѣвалъ, что смѣющаяся надѣялся плутовка любуется имъ, его нѣжными, юными, всыхнувшими щеками, его стыдливостью и его робкимъ полуузнаніемъ. Онъ не подозрѣваетъ какъ онъ хорошо теперь и какъ будетъ нехорошо, когда освободится отъ этихъ стѣснительныхъ чувствъ юношескихъ, но не дойдетъ еще до спокойствія взрослого; когда глаза его заблестятъ холодно и можетъ быть нагло, когда онъ пожелаетъ представить изъ себя усталаго жизнью или многоопытнаго юношу...

Эта милая картинка задумана художникомъ очень удачно и очень живо передаетъ всѣ подробности грациозной сцены.

На Шекснѣ.

(Рис. на стр. 836).

Немного еще выставившій своихъ произведеній, художникъ Г. Кондратенко, обратилъ однако на себя вниманіе эффектною и поэтическою обработкою своихъ темъ, и на послѣдней выставкѣ двѣ, три картины его, можно сказать, имѣли положительный успѣхъ, въ томъ числѣ и эта картина, изображающая красивые берега русской большой рѣки. Пейзажъ напѣтъ, о чемъ мы не разъ говорили, идетъ постоянно впередъ и развивается совершенно самостоятельно и серьѣзно. Своими значительными успѣхами онъ обязанъ именно тому, что сталъ въ послѣдніе годы дѣйствительно русскимъ, что наши художники поняли красоту русской природы. Съ этимъ справедливымъ мнѣніемъ одного изъ нашихъ критиковъ нельзя не согласиться. Пейзажъ, кроме того, стоитъ въ тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, что онъ, по самому свойству своему, находится въ такъ называемыхъ „злобѣ дня“, что такъ мѣшаетъ искусству и такъ портитъ талантъ, навязывая ему цѣли, совершенно чуждыя искусству, и обращая жанръ въ какія то иллюстраціи на случай или въ сомнительную сатирическую картинку для карикатурнаго журнала.

Дѣти въ полѣ.

(Рис. на стр. 837).

Поэтъ нашъ Некрасовъ, говоря о дѣтяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на столячныхъ улицахъ, среди гама, гомона и шума этой жизни, часто среди самыхъ дурныхъ примѣровъ и тревожной нездоровой жизни, съ глубокимъ сожалѣніемъ говорить о нихъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній.

Вы зачѣмъ тутъ несчастныя дѣти?
Неужели и сердцу дѣтей
Ужъ знакомы нужда и неволя?
Ахъ, уйдите, уйдите скорѣй
Въ тишину деревенскаго поля!
Не такой тамъ услышите шумъ,
Тамъ шумить созѣвающей колось,
Усыпляя младенческій умъ
И страстей преждевременный голосъ...

Здѣсь дѣтки, изображенія художникомъ, очевидно ничего не знаютъ о такой жизни. Имъ родны и знакомы эти мирныя поля; они чинно и весело разсѣлись на зеленомъ лугу, среди цветовъ и выютъ вѣнки, ищутъ грибы, собираютъ ягоды и дышать здоровыи, свѣжими воздухомъ деревни...

Русскій отдѣлъ на амстердамской международной выставкѣ.

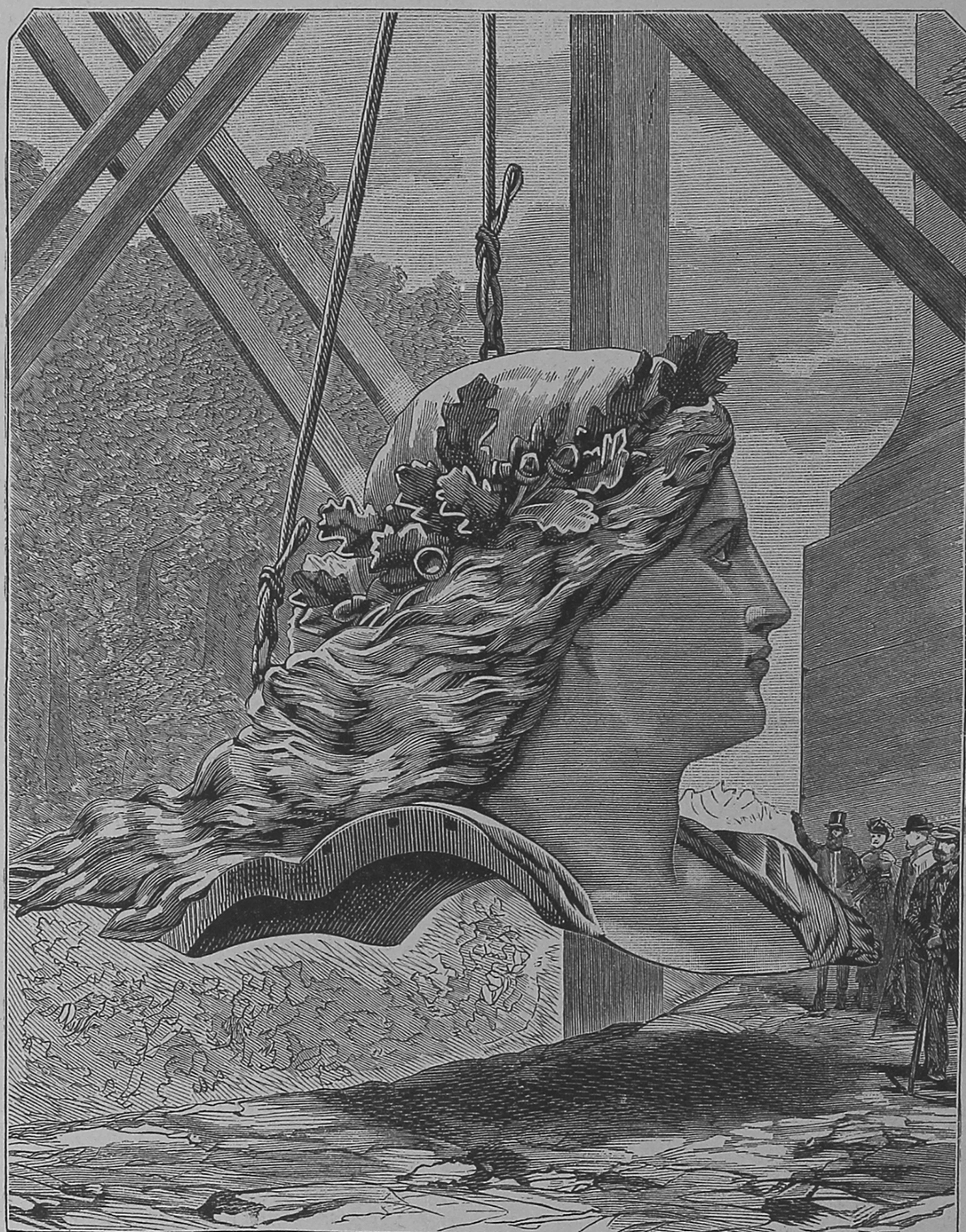
(Рис. на стр. 841).

Ознакомивъ нашихъ читателей съ содержаніемъ и характеромъ амстердамской международной выставки (въ 23 № „Нивы“), мы теперь помѣщаемъ общій видъ бывшаго на ней русскаго отдѣла, который хотя и уступалъ по обширности другимъ отдѣломъ, занимая лишь 1000 квадр. метровъ, но за то ярко выдѣлялся между ними какъ по своему изящному устройству, такъ и по оригинальности выставленныхъ предметовъ. Уже при самомъ входѣ въ Русскій отдѣлъ посѣтитель встрѣчалъ очень эффектную обстановку; такъ здѣсь по обѣимъ сторонамъ стояли рослые конногвардейцы въ своихъ красивыхъ мундирахъ, которыхъ изящная бѣлизна ярко выдѣлялась на фонѣ пунцовыхъ драпировокъ изъ полубархата—издѣлія московскаго фабриканта Асафа Барапова. Какъ самый входъ, такъ и прочія части отдѣла были убраны въ русскомъ вкусѣ архитекторомъ Колинне и украшены манекенами, изображающими различные русскія народности. При входѣ изъ главной галлереи въ помѣщеніе отдѣла, посѣтителя ожидала очень эффектная выставка художественныхъ произведеній, изъ ляписъ-лазури, малахита и яшмы, петербургскаго фабриканта Карла Верфеля, и тутъ же на лѣво очень интересныя и очень красиво расположенные мѣховыя издѣлія придворнаго поставщика Грюнвальда. За мѣхами обращали на себя общее вниманіе отдѣлъ шелковыхъ и полушелковыхъ матерій, парчи и глазета, особенно издѣлія московскаго фабриканта Сапожникова, дѣйствительно замѣчательныя по роскоши, художественности и разнообразію рисунка. Тутъ же привлекалъ къ себѣ знатоковъ полушелковый и шелковый бархатъ московскаго фабриканта Ивана Соловьевъ, не уступающій по добротѣ ліонскому. Шерстяная и полуsherстяная промышленность тоже имѣла на выставкѣ не мало экспонентовъ, но особенно много издѣлій этого рода выставилъ въ особой, изящной витринѣ, московскій фабрикантъ Августъ Шредеръ, а торговыи домъ А. Гивартовскій и комп. ознакомилъ иностранцевъ со своими оригинальными издѣліями—кашемиромъ въ турецкомъ вкусѣ, кашемировыми шальми и платками. Наша прижа и ткани изъ пеньки, льна и ихъ суррогатовъ тоже удостоились общаго вниманія, но всѣхъ богаче оказался отдѣлъ хлопчато-бумажнаго производства, какъ по количеству экспонентовъ, такъ и по разнообразію и изяществу декоративно выставленныхъ предметовъ. Наши экипажи, дѣйствительно легкіе и изящные, обращали на себя общее вниманіе, и особенно бѣговыя дрожки и сапи, которыя составляютъ здѣсь нѣчто необычайное и невиданное. Съ нашимъ сельскимъ и домашнимъ хозяйствомъ тоже можно было отчасти ознакомиться на выставкѣ; здѣсь красовалось большое количество сѣмянъ, образцы муки изъ пшеницы, наши фруктовыя и ягодныя варенья, глазированные фрукты и разныя сладости, не исключая и пряниковъ. Даже наши окраины не хотѣли отстать отъ промышленныхъ центровъ; такъ изъ Оренбурга прислали платки; персіянинъ Аліевъ выставилъ восточная издѣлія изъ бирюзы, а Ходжейнъ—образцы кавказской промышленности—издѣлія изъ серебра и ковры. Кроме того Мелькумовъ изъ Казани прислалъ вышитыя золотомъ туфли, обувь въ татарскомъ вкусѣ и шапочки шитыя золотомъ. Изъ предметовъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ образомъ къ области изящнаго и попавшихъ на амстердамскую выставку, удостоились общаго вниманія рояль чернаго дерева съ прекраснымъ, мягкимъ тономъ, петербургской фабрики Дирихса, и наши серебряныя издѣлія. Впрочемъ послѣднія занимаютъ первенствующее мѣсто на всѣхъ международныхъ выставкахъ, и вполнѣ художественные произведения, такого фабриканта какъ Хлѣбниковъ, не могутъ пройти незамѣченными и не возбудить неподѣльного удивленія. Къ сожалѣнію

наши серебряныхъ дѣлъ мастера были почти единственными художниками, ознакомившими голландцевъ со своими произведениями, если не считать еще одного петербургского фотографа С. Соловьевъ, выставившаго свои прекрасныя фотографіи. Другие же наши художники отнеслись почему то слишкомъ небрежно къ приглашенію, и потому нашъ художественный отдѣлъ на амстердамской выставкѣ, можно сказать, блесталъ вполнѣ своимъ отсутствиемъ.

Русскій промышленный отдѣлъ былъ открытъ торжественно,

ки желѣзнодорожныхъ вагоновъ съ одного берега на другой и какія у Линдавы перевозятъ по Боденскому озеру тяжести къ Швейцарскому берегу. Суда эти ходятъ на буксирѣ. Переѣздъ съ берега на судно состоялся по эластическому мосту такимъ образомъ, что локомотивъ, помошью укрѣпленного къ нему каната, медленно спустилъ грузъ внизъ. Въ нѣсколько минутъ памятникъ очутился на водѣ. Затѣмъ весь грузъ былъ спущенъ съ пароходомъ, раззвѣченнымъ флагами и гирляндами цвѣтовъ, и при пушечныхъ выстрѣлахъ продолжалъ свой путь по

Постановка статуи Германіи на Нидервальдѣ. Голова статуи „Германія“. По рис. Ф. Линднера, грав. М. Рашевскій.

въ присутствіи нашего посланника Столыпина, 18 мая, а 3 іюля происходила экспертиза выставленныхъ въ немъ предметовъ.

На выставкѣ есть также витрина нашего журнала „Нива“, получившаго и на Амстердамской выставкѣ медаль. Главная заслуга прекрасного устройства русского отдѣла принадлежитъ русскому комиссару г. фонъ Бекманъ.

Національный памятникъ Германіи.

Въ минувшемъ іюлѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, бывшаго свидѣтелемъ перевозки и при раздававшихся выстрѣлахъ изъ мортиръ, благополучно перевезена изъ Мюнхена въ Рюдесгеймъ гигантская статуя свободы „Германія.“

Приспособленія для передачи громадного груза водѣ были очень просты. Обѣ платформы, на которыхъ помѣщалась статуя, были поставлены на одно изъ специально рейнскихъ судовъ, служащихъ у Бингербрюкена и Рюдесгейма для перевоз-

Рейну. Это было торжественное шествіе. Всюду съ береговъ дорогой грузъ былъ привѣтствуемъ криками восторга, всѣ городки и деревни приняли участіе въ общей радости. Послѣ шести съ половиною часовъ Ѣзы, пароходъ и грузъ въ 11 часовъ утра прибыли въ Рюдесгеймъ, о чёмъ было возвѣщено прибрежной странѣ зыстроѣлами.

28-го іюля прекрасная голова Германіи также была поднята и въ 1 часъ дня поставлена на мѣсто. Это художественное произведение справедливо возбудило всеобщее удивленіе. Трудно съ большимъ совершенствомъ соединить выраженіе гордости и привлекательности, женственности и величія. Бингенское общество стрѣлковъ, члены котораго, бывшіе на празднике стрѣлковъ въ Мюнхенѣ, присутствовали при отливѣ головы Германіи, сгруппировались со своимъ знаменемъ у постамента, къ нимъ присоединился губернаторъ, г. Сарторіусъ, г. Миллеръ, инженеръ Биберъ, семейство фонъ-Лиде изъ Гейзенгейма, княжеская семья Грейфенклау и Бенкendorфъ и масса рабочихъ. Вся

эта группа была спята фотографомъ Гильддорфомъ изъ Бингена. Громадность этой головы можно видѣть на рисункѣ по сравненію съ человѣкомъ.

Въ Бингенѣ и Рюдесгеймѣ дома украсились флагами, громкое „ура“ смѣшалось съ пушечной пальбой, а ученики Бонн-пардской семинаріи пѣли патріотическую пѣсни.

Поистинѣ, что при высотѣ лѣсовъ и значительности подъема, работа представляла громадныя трудности; но все прошло удачно. Дальнѣйшая трудность состояла въ соединеніи руки статуи съ коропой. Для этого г. Миллеръ нарочно привезъ изъ Мюнхена худощаваго рабочаго, который влѣзъ въ руку и вмѣстѣ съ нею былъ поднятъ на высоту и внутри руки работаль надъ прикрепленіемъ. Послѣ окончанія работы, онъ былъ вытащенъ канатомъ за руку черезъ отверстіе въ сгибѣ руки фигуры. Постановка фигуры закончилась праздникомъ рабочихъ.

Торжество открытия памятника совершилось 28-го сентября, съ невиданнымъ еще на Рейнѣ великолѣпіемъ. Праздничный поѣздъ доставилъ сюда изъ Висбадена императора и его гостей. Въ 12 часовъ дня послѣдуетъ снятіе пелены съ нижней

части статуи и рельефа, такъ какъ при величинѣ памятника трудно его закрыть цѣликомъ. Всѣ рейнскіе города готовятся къ этому дню. Всѣ рейнскіе флотилии будутъ оживлять рѣку, артиллерія выстроится на правомъ берегу Рейна, во множествѣ прибудутъ немецкіе князья, города выплютъ депутатіи,—однимъ словомъ, освященіе памятника произойдетъ очень торжественно. На слѣдующій день за открытиемъ императоръ Вильгельмъ дастъ банкетъ въ Висбаденѣ.

Собственно статуя вѣситъ вся около 2,300 пудовъ и вышею болѣе 12 аршинъ. Эта величавая гигантская фигура состоитъ изъ множества частей, которая теперь всѣ взвезены, какъ мы сказали, съ большими трудностями, на вершину Нидервальда. Отливка частей продолжалась $3\frac{1}{2}$ года. Все шло удачно и ни одна часть не передѣльвалась. Мизинецъ статуи едва могутъ обхватить пальцы двухъ рукъ взрослого человѣка. Но-готь ея большого пальца—два вершка ширины и $2\frac{1}{2}$ вершка высоты. Внутри статуи, въ томъ мѣстѣ гдѣ ея грудь, могутъ свободно танцевать десять паръ; мечъ ея вѣситъ около 18 пудовъ и длиною болѣе $2\frac{1}{2}$ сажень.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Италія.—Хорваты.—Франція.—Іспанія.

Императоръ Вильгельмъ выразилъ, отъ лица единой Германіи, участіе Италіи по поводу трагического происшествія въ Искіи; въ циркулярѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ къ союзнымъ германскимъ государствамъ, объявляется, что, съ соизволеніемъ императора, учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ наследнаго принца для сбора пожертвованій, къ чому и приглашается вся Германія. Мы уже говорили, что кардиналъ Говардъ не выдался съ Бисмаркомъ; теперь органъ князя - канцлера, „Сѣверо-Германскія газета“, подтверждаетъ это самимъ рѣшительнымъ тономъ: „По поводу невѣрного газетного извѣстія о свиданіи въ Киссингенѣ кардинала Говарда съ германскимъ канцлеромъ намъ остается заявить, что они никогда нигдѣ не встрѣчались, да и вовсе даже не знаютъ другъ друга; мы на это указываемъ въ виду того, что при настойчивости, съ какой повторяютъ этотъ ложный слухъ, про-стаго опроверженія его будетъ недостаточно для того, чтобы убѣдить читателей въ ихъ заблужденіи; поѣздка въ Киссингенѣ ministra Госслера не только не состоялась, но и вовсе даже не предполагалась“. Какъ видимъ,—далеко еще до соглашенія между Берлиномъ и Ватиканомъ.

Италія, какъ извѣстно, обзавелась хорошимъ флотомъ, для которого придумала экспедицію; дѣло въ томъ, что она недовольна Мароккскимъ правительствомъ, не желающимъ уплатить свои долги нѣкоторымъ итальянскимъ подданнымъ; все это могло бы быть улажено дипломатическимъ путемъ, но итальянцы, вѣроятно, для мочіона отправили къ берегамъ Марокко свои броненосцы „Dandolo“ и „Roma“, которые прибыли въ Тангеръ, гдѣ собирается весь итальянскій флотъ,—по-видимому квиринальскій кабинетъ желаетъ предупредить всякую попытку шерифа къ сопротивленію.

Хорваты продолжаютъ свои демонстраціи противъ мадьяръ и ихъ стремленія подчинить своему вліянію хорвато-славонскую провинцію, которая, послѣ введенія дуализма въ Австро-Венгрии, находилась въ нѣсколько независимомъ отъ Венгрии положеніи; новыя волненія обнаружились въ Загорії, гдѣ крестьяне тоже срывали мадьярскія вывески; приводимъ нѣкоторыя подробности въ дополненіе къ тому, что мы обѣ этомъ сообщали: по распоряженію директора финансовыхъ были прикреплены къ воротамъ зданія главнаго финансового управления и другихъ зданій финансового вѣдомства новые щиты, на которыхъ, кроме общаго казенного герба (хорвато-венгерскаго), были надписи на хорватскомъ и мадьярскомъ языкахъ; щиты эти были прикреплены ночью, и если припомнить, что года три тому назадъ мадьяры были принуждены отказаться отъ такой же мѣры въ виду энергического сопротивленія муниципальныхъ властей, то понятно возбужденіе, охватившее хорватовъ при видѣ ненавистныхъ ему эмблемъ, будто бы посягавшихъ на исключительность хорватскаго языка, какъ официального въ этой славянской провинціи, къ тому же столь преданной Габсбургамъ—отсюда и началось волненіе.

Французы въ Тонкинѣ, отъ времени до времени, имѣютъ стычки съ аннамитами; парижскія газеты передаютъ подробности объ атакѣ укрѣплений „черныхъ флаговъ“ къ югу отъ Намъ-Динга, произведенной французскимъ отрядомъ подъ командой полковника Баданса; атака началась съ разсвѣтомъ; его отрядъ состоялъ всего изъ 300 ч. морской пѣхоты, 300 туземцевъ, завербованныхъ въ Сайгунѣ и 600 туземцевъ—каторжниковъ; это своеобразное войско Бадансъ раздѣлилъ такъ, что впереди шли каторжники, затѣмъ сайгунцы и въ резервѣ морская пѣхота; непріятеля сначала не было видно, но—раздался тамъ-тамъ и въ атаковавшихъ посыпался градъ пуль; Бадансъ велѣлъ протрубить къ атакѣ и каторжники храбро кинулись впередь; „черные флаги“, нѣсколько времени отбивавшіеся, побѣжали, однако, довольно скоро,—всѣдѣ за своими мандаринами, указавшими имъ и примѣръ, и путь къ бѣгству, а свою артиллерию они тоже успѣли увезти и французы овладѣли только укрѣплѣніями. Однако, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, французы потерпѣли недавно неудачу у Фокоа, гдѣ имъ пришлось дѣться противъ китайскаго отряда въ 5 тысячъ ч. Китайцы, значитъ, выступили открыто. Графъ Шамборъ скончался и газета „Français“, заявляя, что между всѣми отраслями роялистовъ настуپаетъ согласіе, объявила вмѣстѣ съ тѣмъ, и что графъ Парижский, на основаніи исторической традиціи, сложитъ съ себя фамильное имя Орлеановъ и примѣтъ фамилію Бурбоновъ; что бы ни говорили республиканскія газеты, но это—событие огромной важности для Франціи и въ особенности теперь, когда республиканская форма не пользуется уже большой популярностью, а монархическій принципъ, на-противъ, пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ.

Іспанскій король предполагалъ быть 9 сентября въ Франкфуртѣ, 20—въ Гамбургѣ, гдѣ и повидаться съ императоромъ, 26—присутствовать на большихъ маневрахъ, но теперь еще неизвѣстно, въ какой степени это ему будетъ возможно въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ въ королевствѣ; дальнѣйшія извѣстія изъ Мадрида разъясняютъ нѣсколько это положеніе; опубликованное въ Лиссабонскихъ газетахъ заявленіе возмущившися въ Бадахосѣ офицеровъ, возвѣщаетъ о ихъ желаніи провозгласить іспанскую республику съ конституціей 1869 г. и ввести въ странѣ демократическую реформы, указанныя въ программѣ Рюица Зорильи и Сильмерона, т. е. они желали возвратиться къ эрѣ безпорядка, анархіи, безконечной борьбы честолюбцевъ изъ-за власти; іспанскому правительству не могло не быть извѣстнымъ, что бунтъ готовился: Квезада и іспанскій посланникъ въ Парижѣ неоднократно предупреждали мадридское правительство обѣ угрожавшемъ ему революціонномъ движеніи, но въ Мадридѣ полагали, что оно заглохнетъ само собой; тайная революціонная пропаганда началась, какъ думаютъ, въ 1877 г. и агенты революціонной партіи вошли недавно въ сношенія съ офицерами провинціальныхъ гарнизоновъ, съ цѣлью, при ихъ помощи, произвестъ восстаніе, но—оно не удалось, благодаря несочувствію націи, привыкшей къ порядку за время царствованія короля Альфонса.

Библіографія.

Путешествіе на востокъ князя П. А. Вяземскаго (1849—1850 года). Издание графа С. Д. Шереметева. Спб. 1883 г.

Среди русскихъ сочиненій, посвященныхъ описанію востока вообще и Святой земли въ особенности, путевые записки князя П. А. Вяземскаго должны занять почетное мѣсто, какъ произведеніе человѣка чрезвычайно умнаго, умѣвшаго всегда необыкновенно мѣтко и трезво относиться къ каждому событию и вопросу. Это не верхоглядъ-туристъ, искажающій истину въ угоду красивой фразѣ, по человѣкъ глубоко вѣрюющій и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ свѣтскій и свободный въ своихъ воззрѣніяхъ и потому недоступный ни религіозной исключительности,

ни пустому шарлатанству. Самое путешествіе въ Святую Землю князь предпринялъ какъ дѣло серьезное, имѣющее для него великое жизненное значеніе. „Когда приближаешься уже къ концу земнаго своего поприща,—говорить онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ,—и имѣешь въ виду неминуемое путешествіе въ страну отцовъ, всякое путешествіе, если предпринимаешь его не съ какою нибудь специальною цѣлью, въ ильзу науки, есть одно удовлетвореніе суетной прихоти, безплоднаго любопытства. Одно только путешествіе въ Святую мѣста можетъ служить исключениемъ изъ этого правила. Іерусалимъ—какъ бы станція на пути къ великому ночлегу. Это—пригото-

вительный обрядъ къ торжественному переселенію. Тутъ запасешься не пустыми свѣдѣніями, которыя ни на что не пригодятся намъ за гробомъ, но укрѣпляешь, растворяешь душу напутственными впечатлѣніями и чувствами, которыя могутъ, если Богъ благословить, пригодиться и тамъ, а во всякомъ случаѣ нѣсколько очистить насъ здѣсь".

И эту высокую задачу князь П. А. Вяземскій не упускаетъ изъ виду во все время своего путешествія; стремленіемъ ея достигнуть дышетъ каждая строчка его путевыхъ записокъ. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константиноополѣ, онъ поспѣшилъ въ Малую Азію, чтобы поклониться въ Іерусалимѣ Святому Живоносному Гробу Спасителя. Описаніе этого пути моремъ, посѣщеніе Смирны, Родоса, Кипра и Яффы блещетъ яркостью и остроуміемъ, хотя авторъ и сознается изъ скромности, что его впечатлѣнія, какъ путешественника, никогда не бываютъ особенно плодовиты. Но это самообличеніе нашего паломника не оправдывается на дѣлѣ; въ своихъ скитаніяхъ по стогнамъ Святаго Города онъ становится внимателенъ и впечатлителенъ и каждое его впечатлѣніе передается имъ необыкновенно художественно и мѣтко. Въ моментъ посѣщенія князь П. А. Вяземскимъ Іерусалима, здѣсь происходили постоянно препирательства и несогласія между собою христіанъ различныхъ вѣроисповѣданій и иногда случались возмутительныя сцены по этому поводу въ самомъ храмѣ Святаго Гроба. Все это привело нашего паломника къ печальнымъ, и въ то же время очень вѣрнымъ, конечно для того времени, заключеніямъ. "Посѣтившему здѣшнія мѣста, говорить онъ, является истиной, хотя и грустною, но неоспоримою, что при нынѣшнемъ раздѣлении Божіихъ церквей и при человѣческихъ страстиахъ и раздорахъ, которыя еще болѣе возмущаютъ и отравляютъ это раздѣление, владычество турокъ здѣсь нужно и спасительно. Турки сохраниютъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, видимый, вѣнѣній миръ церквей, которыя безъ нихъ были бы въ безпрерывной борьбѣ и разорили бы другъ друга". Освобожденіе Гроба Спасителя изъ рукъ невѣрныхъ,—говорить онъ далѣе—прекрасная, благочестивая мечта; но на мѣстѣ убѣждается, что она не только несбыточна, но и нежелательна—разумѣется также до поры и до времени, а эта пора—тайна Бога". Какъ ни странны кажутся такія мысли теперь, но въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ былъ не лишенъ основанія, когда въ глазахъ нашего путеше-

ственника, за право покрыть съизнова ветхую крышу Св. Гроба, чуть не поднялась цѣлая революція между греками и латинами. Князь П. А. Вяземскій не любилъ маскировать правды и потому въ его путевыхъ замѣткахъ часто проскальзываютъ рѣзкія и горькія фразы, ярко рисующія безотрадное въ то время положеніе православія въ Палестинѣ и полное отсутствіе тамъ нашего вліянія. "Всѣ иностранцы вопіютъ о проискахъ нашихъ на Востокѣ,—говорить онъ,—о властолюбіи, духѣ господства, а мы и мизинцемъ не упираемся на Востокѣ. Вся забота о маленькихъ дипломатическихъ побѣдахъ, которая остаются въ архивѣ и на бумагѣ, а на народонаселеніе не изливаются". Это разочарованіе въ силѣ нашего вліянія князь П. А. Вяземскій долженъ былъ чувствовать чуть не ежеминутно; у другихъ державъ онъ встрѣчалъ въ Іерусалимѣ и по всему Востоку церкви, больницы, страннопріимные дома, монастыри, а у насъ полное отсутствіе чего либо подобнаго. Греки тоже показались ему плохими представителями православія, и, по его мнѣнію, они значительно отуречились. Но вся эта жизненная суeta, вся эта борьба мелкихъ людскихъ страстей и интересовъ не могла повредить обаянію Святаго Города и дѣйствительно онъ вскорѣ вполнѣ очаровалъ нашего паломника. Ему даже жаль было разстаться наконецъ съ этимъ дорогимъ, завѣтнымъ мѣстомъ всѣхъ его думъ и стремленій. "Срокъ приближающейся разлуки моей съ Іерусалимомъ начинаетъ давить меня,—пишетъ онъ передъ выѣздомъ.—Я теперь только что вхожу въ Іерусалимъ, вхожу въ прелестъ его, начинаю съ нимъ свыкаться. Здѣсь нужно было бы непремѣнно прожить годъ, чтобы ознакомиться съ Св. Мѣстами". И это обаяніе Іерусалима, это отрадное и животворное вліяніе Св. Мѣстъ, князь П. А. Вяземскій передаетъ такъ осознательно и ярко, что невольно увлекаешься и съ безпрерывнымъ интересомъ слѣдишь за каждымъ шагомъ автора, въ его странствованіяхъ отъ святыни къ святынѣ, къ Мертвому морю, въ Виолеемъ, къ Эліонской горѣ, на обратномъ пути къ Яффѣ и Бейруту. Повторяемъ, путевые записки князя П. А. Вяземскаго по Востоку и Св. Землѣ, при ихъ нѣкоторой отрывочности, впрочемъ понятной въ дневникѣ подобнаго рода, все таки заслуживаютъ полнаго вниманія и составляютъ очень крупный вкладъ въ нашу довольно бѣдную литературу, посвященную описанію и изслѣдованію Востока вообще и Палестины въ особенности.

СМѢСЬ.

Изъ американскихъ нравовъ. "The Weekly Chronic" въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ говоритъ: Тому тридцать лѣтъ Фредъ Клинкевортъ вступилъ прикащикомъ въ магазинъ Шриппера въ Нью-Йоркѣ. Своимъ прилежаніемъ и расторопностью онъ скоро пріобрѣлъ довѣріе своего хозяина, который сдѣлалъ его своимъ компаньономъ и предназначилъ его къ себѣ въ зятья. Но дочь Шриппера, воспитательная дѣвушка, рѣшила иначе; за два дня до свадьбы она уѣзжала съ младшимъ прикащикомъ и вернулась къ отцу уже женою этого послѣдняго. Клинкевортъ, сильно любившій дѣвушку, разшелся съ ея отцомъ и воспыпалъ непримиримой ненавистью къ разрушителю своего счастья. Впродолженіи многихъ лѣтъ о немъ ничего не слышали, онъ уѣхалъ въ Калифорнію, где въ то время царствовала золотая горячка. Между тѣмъ Шрипперъ умеръ и магазинъ перешелъ къ его зятю, Джону Гугбону. Вдругъ дѣла его стали пошатываться. Возлѣ него оказался конкурентъ. Онъ также продавалъ кофе и рисъ, какъ и Гугбонъ, но по такимъ необыкновенно низкимъ цѣнамъ, что послѣднему, за неимѣніемъ покупателей, пришлось переѣхать въ другую часть города. Но вскорѣ возлѣ него явился тотъ же конкурентъ. Снова нужно было уходить, но это не помогло, и въ теченіи года Гугбонъ совершенно разорился. Съ отчаянія онъ умертвилъ себя, оставивъ жену и дѣтей въ страшной нищетѣ. Но она не долго нуждалась. Ежегодно въ день смерти мужа она получала отъ неизвѣстнаго кожаный мѣшечекъ съ 2,000 долларами. Однажды съ деньгами она получила и письмо слѣдующаго содержанія: "Я вѣрѣлъ выдѣлать кожу вашего мужа и подѣлать кошельки, которыя я вамъ аккуратно присыпалъ. Теперь запасъ этотъ истощился и впередъ вы будете получать милостию въ полотняныхъ мѣшечкахъ. Вашъ Фредъ Клинкевортъ". Съ тѣхъ поръ госпожа Гугбонъ не принимала болѣе присыпаемыхъ ей денегъ.

Докторскій гонораръ въ древнемъ Римѣ. Занятіе медицинской принадлежало въ древнемъ Римѣ къ числу наиболѣе выгодныхъ. Лейбъ-медици перваго римскаго императора получали ежегодное содержаніе въ 250,000 сестерцій (54,375 марокъ). Но еще большій доходъ получали доктора отъ частной практики въ римскихъ благородныхъ фамиліяхъ. Богатые дома выплачивали имъ каждое первое января, на сколько это извѣстно, значительныя суммы, въ которыхъ не входили еще и большихъ уплаты за отдѣльные случаи удачнаго лечения. Такъ, Галенъ получилъ отъ одного консула въ Палестинѣ четыреста золотыхъ (8600 марокъ) за излечение его жены отъ тяжелой болѣзни. Пліній приводить два случая, въ которыхъ гонораръ доктора, при условіи выздоровленія пациента, былъ определенъ въ 200.000 сестерцій (43,500 марокъ). Ничего, поэтому, невѣроятнаго не можетъ быть въ томъ фактѣ, что знаменитый докторъ Стерциніусъ получалъ отъ одной своей городской практики, не считая письменныхъ консультаций, еже однѣ 600,000 сестерцій (130,600 марокъ). Другой выдающійся докторъ, Кринасъ,

оставилъ послѣ себя состояніе въ 10 миллионовъ сестерцій (2,175,500 марокъ), не взирая на то, что онъ при жизни истратилъ такую же сумму на возведеніе зданій общественной пользы. Весьма естественно, что такие громадные доходы служили для многихъ невѣжественныхъ людей поводомъ бросать прежнія свои занятія, чтобы дѣлаться докторами, въ особенности еще и потому, что въ то добре старое время экзамены были неизвѣстны и доктора подвергались очень легкой отвѣтственности. Часто случалось и то—что доктора, не имѣвшіе успѣха, превращались въ гладіаторовъ и т. п., или же возвращались къ своимъ прежнимъ занятіямъ, т. е. къ плотничеству, ткацкому ремеслу, къ кузничеству и т. д.

Ученое самопожертвованіе. Французскій ученый, Генри Пелье, лишился пальцевъ на одной руцѣ, производя опыты съ ружейнымъ порохомъ и нитроглицериномъ. "Полагаю, вы бросите заниматься теперь взрывчатыми веществами?" спросилъ его знакомый, вскорѣ послѣ этого несчастнаго случая.—"Но у меня осталась еще другая рука"—со смѣхомъ отвѣтилъ тотъ, показывая здоровую руку.—Кстати, министръ иностраннѣй дѣлъ предписалъ г. Дюма, безсмѣнному президенту французской академіи наукъ, сообщать о лицахъ, платящихся жизнью или здоровьемъ, преслѣдуя научныя цѣли, такъ какъ французское правительство рѣшило выдавать таковымъ обезпечивающее ихъ существование пособіе.

Старая нѣмецкія изданія. Къ концу 1881 г. въ Германіи обращалось 4,413 газетъ и журналовъ. Изъ нихъ 98 основаны еще до начала нынѣшняго столѣтія. Такъ "Frankfurter Journal" существуетъ уже 261 годъ; "Magdeburg Zeitung"—253 года; "Leipziger Zeitung"—221 годъ; "Ienaische Zeitung"—207 лѣтъ; "Augsburger Postzeitung"—195 лѣтъ; "Gothaische Zeitung"—190 лѣтъ; "Vosetsche Zeitung"—159 лѣтъ; "Berlin Intelligenzblatt"—128 лѣтъ; "Kolnische Zeitung"—84 года. Далѣе, изъ этого числа около 200 считаются отъ 80 до 50 лѣтъ своего существованія; 1127—отъ 50 до 21 года; 1542—между 20 и 6 годами, и 1380 между 5 годами и тремя мѣсяцами. Вообще, въ Германіи имѣется 1491 изданіе, существующія болѣе 20 лѣтъ. Затѣмъ, изъ общаго числа изданий, существованіе многихъ и многихъ крайне непродолжительно и прізрачно,—они скоро рождаются и скоро же умираютъ.

Изслѣдованіе пещеръ въ Пенишѣ, въ Португаліи, въ которыхъ попадается много костей, даютъ несомнѣнныя доводы, что предки нынѣшніхъ португальцевъ были людоѣды. Профессоръ Дельгадо въ Лиссабонѣ нашелъ въ одномъ мѣстѣ оглоданные остатки 140 человѣкъ, съ ясными слѣдами каменныхъ ножей, которыми kosti расщеплялись въ длину, съ цѣлью воспользоваться мозгомъ. Этой находкой подтверждается предположеніе Страбо, что нѣкоторыя племена Иберійцевъ были людоѣды. Подобная же находка была, какъ извѣстно, сдѣлана въ Бельгійскихъ пещерахъ.

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 17 и 18. [Продаются следующія книги.] Москва, Петровка, д. № 5.

ВАЖНЫЕ КНИГИ для хозяекъ

АЛЬМАНАХЪ ГАСТРОНОМОВЪ
или самая полная поваренная книга,
заключающая въ себѣ
девяносто полныхъ обѣдовъ,
означенныхъ записками (тепи) русскими и
французскими.

Правила для накрытия стола, служение за
онимъ, порядокъ винъ, подробное служение
на балахъ, подробное объясненіе о покупкѣ
и продажѣ жизненныхъ припасовъ, ихъ со-
храненіе.

Подробное объясненіе изготавленія, съ
обозначеніемъ нужного количества, болѣе
2000 кушаньевъ въ день Св. Пасхи и Рож-
дества, сочельника, блиновъ, обѣдовъ сыр-
ной недѣли, постныхъ рыбныхъ и грибныхъ,
птицовыхъ, мороженыхъ и проч.

а равно заготовленіе впрокъ на зиму про-
дуктовъ по французскому способу.

Составлено И. М. Радецкимъ,
бывшимъ метрдотелемъ Двора его Импера-
торского Высочества Герцога Максимилиана
Лейтенбергскаго, С.-Петербургскаго Дво-
рянскаго Собрания, Князей Паскевича и Вит-
генштейна.

Издание второе, исправленное и дополненное.

Въ 6. 8 д. л. Болѣе 800 страницъ, съ 100
рисунками въ текстѣ и 12 таблицами худо-
жественно хромолитографированныхъ изо-
бражений разныхъ паштетовъ, пирожныхъ
и проч.

Цѣна 7 р. 50 к., съ пер. 8 р. 25 к., въ
перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

Въ „Альманахѣ гастрономовъ“ богатый га-
строномъ, господинъ ограниченного состоя-
ния, хозяйка высшаго и среднаго класса,
лучший и посредственный поваръ, ученикъ
поварской, дворецкой, буфетчикъ, офицантъ,
экономъ въ столицѣ и экономъ въ провин-
ции—найдутъ каждый для себя подное.

Альманахъ гастрономовъ.

Часть дополнительная.

Приготовление разнаго рода
тѣста и консервовъ,
печенья мелкаго и крупнаго, кремовъ, бисквитовъ, цоколей, тортовъ, тимбалей и проч.
Изготавление впрокъ соленыхъ и конченыхъ
рыбы и мяса, паштетовъ, галантиновъ, ово-
щей, плодовъ, варенья, домашнихъ ликеровъ,
сироповъ, печенья и проч.

Составилъ Юлій Гуфѣ,
старшій метрдотель Жокейскаго клуба въ
Парижѣ.

Въ 6. 8 д. л. (до 900 стр. печати) съ 137
рисунками на деревѣ и 10 таблицами, художе-
ственно печатанными масляными красками,
изображеній разныхъ печений и проч.

по рисункамъ Е. Ронжа.

Ц. 6 р., въ переплѣтѣ 7 р. 50 к., съ перес. 6 р. 75 к. и 8 р. 50 к.

Благосклонное вниманіе, оказанное книжѣ
„Альманахѣ гастрономовъ“, побудило настъ-
предпринять изданіе, которое есть ничто иное,
какъ необходимое дополненіе первого. Ис-
кусство печенья и пирожного играетъ дѣй-
ствительно важную роль въ нашемъ питаніи:
разнообразное пирожное, сладкіе пирожныя,
сладкіе пироги и мелкое печенье изъ пекар-
ни составляютъ драгоценный ресурсъ для
семейнаго домашнаго стола; а разукрашен-
ное крушное печенье и паштеты содѣйству-
ютъ роскоши и блеску стола въ большихъ
домахъ. Такое же значеніе, если не болѣе
важное, имѣть заготовленіе консервовъ
рыбъ и мясъ, паштета, овощей, плодовъ,
варенья, сироповъ, ликеровъ и проч.

Семейный столъ.

Поваренная книга, заключающая ясныя,
на очѣдь основанные указанія, съ означе-
ніемъ нужныхъ пропорций для приготовле-
нія вкусныхъ, дешевыхъ и простыхъ 1,000
разныхъ блюдъ, какъ скромныхъ, такъ
постныхъ, равно пастетовъ, пирожныхъ,
мороженого, кремовъ, желе и консервовъ. Съ
приложеніемъ подробнаго описания уборки
стола, заготовленія впрокъ и покупки про-
визы.

Составлена С. Рогальской.

Изд. 2-е, исправлен., съ 40 рисунк. въ тек-
стѣ. Ц. 2 р., въ англ. коленкор. переплѣтѣ
2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 50 к. и 3 р.

Главное достоинство въ каждой вещи за-
ключается въ томъ, чтобы сдѣлать хорошо
изъ немногаго. Въ кухнѣ надо избѣгать
двухъ крайностей. Богатая кухня со своимъ
изысканными средствами принадлежитъ толь-
ко вельможамъ и богачамъ: она поглощаетъ
въ одинъ какой нибудь супъ столько прови-
зіи, сколько нужно для изготавленія трехъ
обыкновенныхъ обѣдовъ. Скупая кухня, съ
свою излишнею бережливостью и неумѣсто-
юю экономіею, употребляетъ только муку
и самые простые припасы, и скорѣе прино-
ситъ вредъ здоровью, чѣмъ подкрѣпляетъ
тѣло. Наша книга не относится къ обѣдѣмъ
поименованнымъ кухнямъ; она научить хо-
зяекъ изготавливать самимъ, или дастъ воз-
можность свѣтскимъ дамамъ приготовить
подъ ихъ наблюдениемъ обѣдъ незатѣнен-
ый, но вкусный, здоровый и пріятный на
видъ, безъ всякихъ изысканностей. Книга на-
ша равно доступна людямъ всѣхъ сословій
и состояний.

ВОЛЖИНА. Энциклопедія русской
опытной городской и
сельской хозяйки, ключницы, экономки,
поварихъ, скотицы и птичницы. 4 т.
8 д. л. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Приготовленіе и сохраненіе ягодныхъ
и фруктовыхъ вареньевъ, консервовъ,
желе, мармеладовъ и пастиль. Ц. 50 к.,
съ перес. 75 к.

О правильномъ съемѣ, храненіи и су-
шевіи фруктовъ разнаго рода, по спо-
собамъ, употребляемымъ въ южной
Франції. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Управление домашнею прислугою, съ
вѣрными указаніями для отопленія и
освѣщенія комнатъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Сохраненіе въ исправности дамскаго
гардероба, равно какъ кройка и шитье
дамскихъ нарядовъ дома, безъ помо-
щи модныхъ магазиновъ, съ указаніемъ не-
обходимыхъ правилъ для образования
домашнѣхъ швей. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Носковъ. Способъ приготовленія чал.
Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПАНИНО

А. В. ЭБЕРГЪ.

поставщика двора

Его Императорскаго Величества.
РОЯЛИ И ПАНИНО НЕ УСТУПАЮТЪ
ЛУЧШИМЪ ЗАГРАНИЧН. ФИРМАМЪ.
МАГАЗИНЪ у Арбатскихъ воротъ, д.
Шмитъ, ФАБРИКА у Горбатаго моста.

Фирма существуетъ съ 1852 года.
Ц. № 2773 10-3

ОСЕННЯЯ И ЗИМНЯЯ МОДЫ.

„Модный свѣтъ“,
илюстрированный журналъ для дамъ,
(самый полный, лучший и дешевый мод-
ный и семейный иллюстрированный жур-
наль въ Россіи).

На 1883 годъ 3 великолѣпныхъ преміи
и разныя приложения.

№ 1—32 на 1883 годъ уже вышли
и разосланы

Подпись продолжается.

Контора: Большая Саловая, № 16.
С.-Петербургъ. Ц. № 2796 1—1

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЬ

НОВЫЙ

ПОЛНЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ

на англ. велосипеды
2-хъ и 3-хъ колесн. по-
следн. типа, специально
выстроенные для рус-
скихъ дорогъ,

подъ названіемъ

„РУССКИЙ КЛУБЪ“

Ж. Блонъ, представи-
тель для всей Россіи.

Складъ американскихъ
издѣлій:

Москва, Кузнецкій

мостъ, д. Голицына.
С.-Петербургъ, Невск., № 16, уг. Б. Морской.

Р. № 2736

Издание А. Ф. Маркса.

НАВОЖДЕНИЕ. Романъ изъ совре-
менной жизни. СПБ. 1882 г. Ц.
2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ кален.
перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. Московск.) прейсъ-курантъ отъ Ф. В. Аплексина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 24 августа 1883 г.

Тип. А. Ф. Маркса, Прачечн. цер., № 5.

Издание А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ.

Исторический романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьева.
Большой томъ въ 8—всего 672 стр., печатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет.
Романъ этотъ служить началомъ печатанаго въ „НИВѢ“ романа „Вольтеръ-
янецъ“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригиналномъ кален-
коровомъ переплѣтѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Отъ реального училища

Н. К. Мазинга въ Москвѣ.

(Между Вознесенкой и Знаменкой, Ваганьковскій переулокъ, домъ Куманина).
Въ маѣ сего года подверглись экзамену и удостоены аттестата объ окончаніи
курса реального училища 10 учениковъ; кроме того 11 учениковъ химико-техничес-
каго отдѣленія получили свидѣтельства объ окончаніи курса дополнительного
класса.

Ученики всѣхъ классовъ пользуются правами назенныхъ реальныхъ
училищъ.

Воспитанники принимаются приходящими и пансионерами. Училище состоитъ изъ
6 нормальныхъ классовъ, дополнительного съ двумя отдѣленіями: общимъ и хими-
ко-техническимъ и приготовительнымъ классомъ.

Ц. № 2738 3—3

МЕБЕЛЬНАЯ

ФАБРИКА

А. ШМИТЬ,

Поставщика двора Его Императорскаго
Величества, фабрика и магазинъ.

МОСКВА, Арбатскія ворота, соб. домъ.

Фирма существуетъ съ 1818 г.

На Всероссийской Выставкѣ 1882 года.
Высшая награда—Государствен. Гербъ.

Ц. № 2772 10-3